

Мистер Найтсбридж

Автор:

Луиза Бэй

Мистер Найтсбридж

Луиза Бэй

Mister X. Это любовьМистер #2

Холли живет мечтой – заниматься дизайном ювелирных украшений, преуспеть и купить уютный дом. Поездка на стажировку в Лондон становится для нее уникальным опытом.

Там она встречает известного бизнесмена-ювелира Декстера Дэниелса, который дает ей несколько важных уроков.

Помимо прочего, он преступно хорош собой и имеет преступно сложные отношения с конкурентами, а также с собственным братом.

Холли хотела работать с украшениями, но сама стала главным украшением коллекции Декстера.

Но этот новый сверкающий мир не прощает ошибок.

«Забавно и сексуально. Вместо с тем захватывающе и душевно». – Romance Reviewed

Луиза Бэй имеет десятки тысяч отзывов на Гудридс. Ее книги – бестселлеры более чем в 10 странах мира. Для поклонниц книг в духе «Modern Love». В чем же отличие? Ее романы – это еще и история личного успеха, жизнеутверждающая книга о том, что вдохновленный человек обязательно всего добьется. А по пути найдет любовь. Эта книга – заряд бодрости покруче

ВИТАМИНОВ.

Луиза Бэй

Мистер Найтсбридж

Louise Bay

Mr. Knightsbridge

Copyright © 2020 Louise Bay

В оформлении обложки использована фотография: © ITALO / Shutterstock.com и элементы оформления: © Palau, Yoko Design/ Shutterstock.com; Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © Stefan MI, Yoko Design / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского Валентины Бологовой

©?Бологова В., перевод на русский язык, 2023

©? Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Декстер

Она была так прекрасна, что могла любого лишить разума. При виде ее у меня вставали дыбом волосы на затылке, а пальцы сводило от желания прикоснуться к ней.

Поражающая неземной красотой. Восхитительная. И безумно роскошная.

– Выглядит весьма мило. Ты должен очень гордиться, – произнес Гэбриэл, один из моих лучших друзей, уставившись на стеклянную витрину в центре огромного зала отеля «Дорчестер».

– Она действительно великолепна, – ответил я. У меня давно не было возможности на нее полюбоваться, но такую красоту забыть сложно.

– Не забывайся. Эта штука – всего лишь украшение для женской головки, а не женщина, – произнес Тристан, другой член нашей банды из шестерых друзей, друживших еще с подросткового возраста.

– Это диадема, – поправил я. Для Тристана это просто «штука», которую женщины носят на голове. Для Гэбриэла – россыпь блестящих камней. Но для меня это воплощение красоты и жизненной силы – семейное наследие, в конце концов.

– Точно, – согласился Тристан. – Насколько я понимаю, ее сделали твои родители?

– Мать разработала дизайн, а отец изготовил.

– Для королевы?

– Для королевы Финляндии. Она надевала эту диадему в день свадьбы.

В детстве, когда я сидел, обложившись конструктором Лего, под застекленными прилавками магазина моих родителей на Хаттон-Гарден[1 - Улица и площадь Хаттон-Гарден стали центром ювелирной торговли в Лондоне во времена

Средневековья. – Прим. пер.], мне казалось, что они только и делают, что работают над этим украшением. Они говорили только о нем, что стало лейтмотивом моего детства. На самом деле диадемой они занимались в течение одного только лета, но работа над ней полностью их поглотила. И теперь, увидев ее впервые после их смерти, я понял, почему так сложилось. Диадема просто потрясала воображение – современный смелый дизайн, но в то же время достаточно классический, что делало этот шедевр достойным августейшей особы.

Казалось, сам воздух, которым я дышал в детстве, был пропитан страстью моих родителей к ювелирному делу, и я считаю, мне повезло – я вырос с четким пониманием того, чем мне стоит заниматься в этой жизни. И твердо решил следовать по пути отца с матерью. Но когда они умерли, а старший брат продал наш магазин, даже не поставив меня в известность, одного желания заняться ювелирным делом оказалось недостаточно. Ради родителей, ради того, чтобы сохранить память о них, я хотел стать лучшим в этой области. Я хотел, чтобы их имя – мое имя – стало известным во всем мире, потому что я создаю самые прекрасные изделия. Мои родители этого заслуживали.

– Почему же эта выставка проводится в Лондоне, а не в Финляндии? – спросил Тристан.

– Принцесса выходит замуж за британца, поэтому здесь проводится конкурс на лучшие свадебные украшения для нее. Это поможет привлечь немалые средства на благотворительность, ведь в Лондоне кошельки поувесистее.

– В таком случае, это имеет смысл, – произнес Гэбриэл.

Тристан сунул руки в карманы и кивнул:

– Да, прекрасная вещица.

Я улыбнулся. Тристан иногда бывает беспечным и забывчивым, но он без малейших колебаний согласился прийти на выставку, когда я пригласил его. Ему, конечно, куда комфортнее сидеть в джинсах перед компьютером, но он безропотно облачился в смокинг, потому что был вернейшим из друзей. Похоже, ему сейчас не помешает выпить. Я заметил официанта с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским, и кивнул ему. Тот подошел, и мы все взяли по

бокалу.

– За бриллианты? – предложил тост Тристан.

– За твоих родителей, – поправил его Гэбриэл. Он считался «папочкой» в нашей дружной группе с того возраста, как нам было по семнадцать лет – мудрым, рассудительным, всегда находившим, что сказать в сложных ситуациях, а теперь стал и настоящим отцом маленькой дочурки.

– Спасибо, друг, – с чувством ответил я, чокаясь с ним. – За моих родителей. И за то, чтобы выиграть этот чертов конкурс.

– Я предсказываю, что, если ты победишь, ты откроешь свой первый магазин в Лондоне. Это станет прекрасной возможностью выйти на английский рынок, – сказал Тристан.

Я принимал заказы в Лондоне, здесь находились наш цех и дизайн-студия. Но пока я так и не открыл магазин Daniels & Co в Соединенном Королевстве. Штаб-квартира компании располагалась в Нью-Йорке, а филиалы – в Париже, Риме, Пекине и Дубае. Мы недавно открыли офисы в Беверли-Хиллз и Сингапуре.

Но не в Лондоне.

Здесь я существовал в своем узком мирке, который тщательно контролировал. Я жил и работал в городе, но не общался и не сотрудничал с лондонскими коллегами и конкурентами. Слишком много хранила моя память воспоминаний о событиях самого печального периода моей жизни, из-за которых магазин родителей на Хаттон-Гарден прекратил свое существование. И о Дэвиде, моем брате, который разрушил наследие родителей и способствовал возвышению нашего конкурента – компании Sparkle. Такое забыть было невозможно.

Мне постоянно задавали вопросы по поводу присутствия моей компании на лондонском рынке, но я неизменно уходил от ответов и хранил на этот счет молчание. Вообще-то я и не планировал открывать магазин Daniels & Co в Лондоне, полагая, что нужно двигаться вперед, а не оглядываться назад. Не было нужды ворошить прошлое – если уж оно похоронено, пусть все остается как есть.

– Так поднимем же бокал за то, чтобы встречаться чаще, – сказал Тристан. – Я так рад оказать тебе эскорт-услуги. Если только ты не полезешь ко мне целоваться в конце вечера.

– Не хочешь, чтобы я тебя осчастливил?

– Нет уж, не надо мне такого счастья. Помнишь тот уик?энд в Праге? Не желаю, чтобы ты опять распускал свои шаловливые ручки, – произнес Тристан смеясь.

– Заткнись, – ответил я, уже не слушая Тристана, потому что заметил девушку в белом платье с длинными золотисто-каштановыми волосами, струящимися у нее по спине. Она держала бокал и старомодную записную книжку, хотя, похоже, совсем забыла о них и чуть не пролила шампанское на дорогуший пиджак Гэбриэла, когда пыталась протиснуться между нами.

– Это было пятнадцать лет назад, причем во сне, – буркнул я.

Я проследил взглядом за незнакомкой, которая подошла к одной из застекленных витрин, и ее лицо расплылось в широкой улыбке при виде пары серег, которые мои родители изготовили в комплекте с диадемой. Порадовавшись, что еще кто-то, кроме меня, наслаждался красотой их ювелирных изделий, я повернулся к Тристану, чтобы продолжить наши с ним препирательства.

Тристан закатил глаза и кивнул:

– Как скажешь. Но во сне или нет, ты действительно ко мне приставал.

Гэбриэл не отличался многословием, но Тристан обычно болтал за двоих. Каким-то чудом мы трое, плюс Бек, Эндрю и Джошуа, умудрялись оставаться друзьями все эти годы. Даже, скорее, братьями.

– Нам всем шестерым не мешало бы снова съездить в Прагу, – сказал Гэбриэл. – Уж теперь-то мы можем себе позволить отдельные комнаты, и мне не придется спать с этим парнем, – сказал Тристан, кивком указывая на меня.

– Я подумаю об этом.

Небольшой отдых в компании лучших друзей – идея совсем неплохая, но только после завершения конкурса. В последующие несколько месяцев у меня будет очень много работы. Придется заниматься не только разработкой дизайна свадебных украшений для принцессы Финляндии. Необходимо подобрать очень качественные редкие камни, огранить их и закрепить в оправе, поэтому какое-то время мы с друзьями не увидимся. У меня налажены контакты с лучшими поставщиками в этой отрасли, и мне понадобятся самые надежные из них. И у меня точно не появится времени расслабляться в Праге или где-либо еще.

– Мы можем поехать туда, чтобы отметить победу Декстера в конкурсе, – предложил Гэбриэл, словно читая мои мысли.

Тристан пожал плечами.

– Как пожелаете. Но я никак не могу понять, на кой тебе сдался этот дурацкий конкурс. Ты особо не нуждаешься в работе. И тем более в деньгах. Разве я не прав?

Разумеется, Тристан был прав. Мне не требовались ни деньги, ни работа. Мне нужна была победа.

Частично ради репутации – я бы получил еще одно свидетельство того, что я первый в своем деле. Но в основном в память о родителях. Они бы, конечно, хотели, чтобы я выиграл конкурс, повторив то, что сделали они поколение назад. Моя победа стала бы подтверждением того, что их страсть к ювелирному искусству передалась по наследству и записана у меня в генах. Она доказала бы, что я принял у них эстафету.

– Вроде бы милостыню пока не прошу, так что не беспокойся, – сказал я.

– Рад слышать. Но все-таки, если хочешь избавиться от своего Aston Martin DB5 по бросовой цене, я готов заплатить наличными.

– Купи себе свой и отстань от меня, – ответил я, а потом повернулся к Гэбриэлу. – Если вдруг узнаешь, что я погиб при неизвестных обстоятельствах, сообщи в полицию, кем им стоит заняться в первую очередь, – сказал я, кивая в сторону Тристана. – Наверняка они обнаружат в его кармане ключи от моей машины.

Тристан пожал плечами, словно услышал само собой разумеющееся. Он весьма часто пользовался моей машиной, так что у него вовсе не было повода убивать меня из-за нее.

– Мы тут с вами устроили междусобойчик, как макбетовские ведьмы. А тебе ведь надо общаться с людьми.

Возможно, Гэбриэл прав. Я пришел сюда, чтобы продемонстрировать коллегам по ювелирному делу, что не отношусь к ним свысока. Я оглядел зал, присматривая, куда бы приткнуться, выбирая небольшую группу людей, которые не начнут сразу же забрасывать меня комментариями по поводу моих родителей. И, конечно же, у меня не было ни малейшего желания наткнуться на кого-нибудь из Sparkle. Скользнув взглядом по веренице людей с бокалами шампанского в руках, я снова заметил девушку в белом платье, стоявшую перед витриной, где красовались серьги, которые мои родители создали в качестве свадебного украшения для королевы Финляндии.

– Хорошо. Оставлю вас ненадолго, – сказал я, направляясь в сторону девушки в белом. Казалось, она была единственным человеком в зале, кого больше интересовали ювелирные изделия, чем общение с людьми, а это означало, что с ней стоит познакомиться.

Проходя мимо одного из стендов, я заметил приколотый к нему листок со списком приглашенных. Примроуз, главному дизайнеру моих изделий, будет интересно узнать, кто присутствовал на сегодняшнем мероприятии. Я вытащил телефон и сфотографировал список, а потом провел по листку пальцем, чтобы найти там свое имя. И тут же отпрянул, словно меня ударило током. Я, конечно, ожидал увидеть там свою фамилию, но в списке значилось два человека по фамилии Дэниелс.

Значит, Дэвид тоже здесь.

Мой брат, который пытался разрушить наследие моих родителей. Брат, которого я так ненавижу.

По моему телу прокатилась волна жара, и я быстро повернулся, чтобы оглядеть зал. Он же не может быть здесь, правда? Смогу ли я узнать его спустя пятнадцать лет? В свои тридцать семь он мог уже полысеть, как отец.

– Декстер Дэниелс! – Добродушного вида незнакомец лет пятидесяти схватил меня за локоть и крепко пожал мне руку, вырвав из мрачных мыслей, которые затягивали меня, как черная дыра. – При виде вас я чувствую себя дряхлым стариком, – произнес он. – Если бы Джойс Маклин не сказал, что это ты, я бы ни за что не поверил.

Он улыбнулся мне так, словно думал, что я должен непременно узнать его, но я был уверен, что никогда в жизни его не видел.

– В последний раз, когда я с тобой общался, ты держал в одной руке бутылку уксуса, в другой тряпку и мыл окна в магазине своих родителей.

Я выдохнул и представил, что меня ограждает невидимый щит, не позволяющий его словам дойти до моего сознания, проникнуть в его потаенные уголки, которые я так долго пытался защитить. Вот почему в тот день Тристан и Гэбриэл пришли сюда. Конечно, Тристан любит выпить на халяву и пофлиртовать с женщинами, которых тут предостаточно. Тем не менее они с Гэбриэлом должны были выполнять роль буфера между мной и всеми этими людьми.

– Они были прекрасными людьми, – ответил я. Вот почему я всегда старался избегать подобных ситуаций. Я знал, насколько талантливы мои родители, и не хотел, чтобы незнакомые люди сыпали мне соль на рану, так и не зажившую после их смерти.

– Да, они были талантливыми. И такими добрыми. Это произошло так давно, но ювелирная индустрия все еще ощущает утрату.

– Вы совершенно правы, – сказал я. – Для меня это стало огромной потерей, но и для ювелирного дела тоже. – Я почти автоматически выдал заранее отрепетированный ответ.

Обычно подобный вежливый обмен любезностями с последующим рукопожатием на этом и заканчивался, но незнакомец – кем бы он ни был – не собирался от меня отставать.

– Вы знаете, по чему я больше всего скучаю? – спросил он. – По смеху твоего отца, а смеялся он нечасто.

Я улыбнулся – на сей раз вполне искренней улыбкой, а не натянутой, которая сохранялась на моем лице весь вечер. Мой отец был всегда серьезен, особенно когда работал. Но не в кругу семьи. Наш дом всегда наполняли смех и веселье.

– Только ваша мама могла заставить его смеяться, – продолжал незнакомец.

Я кивнул, вспоминая, как она рассказывала всякие веселые истории, когда они вместе работали в магазине, пытаясь поднять ему настроение. Они были замечательной командой.

– Когда он ходил с серьезным лицом, она говорила, что в него вселился дух его отца – вашего дедушки.

А я совсем об этом забыл. Но помнил, как мама гонялась за мной по магазину с веселыми криками, и суровое выражение лица отца сменялось более расслабленным и теплым.

– Вы знаете, все эти знаменитые ювелирные дома – Bulgari, Harry Winston и прочие – охотились за вашей матерью, мечтая переманить ее к себе, уговаривая ее перейти к ним работать дизайнером. Она могла запросить у них любую сумму. Но единственный мастер, с кем она хотела работать, был ваш отец.

Я постарался не показывать удивления. Мать никогда не говорила, что ей предлагали работу в крупных компаниях. Думаю, ей это было неважно. Единственным человеком, который имел для нее значение на всем белом свете, был отец – и, конечно, мы – ее мальчики.

– Мать была удивительно талантливой.

А я ведь так боялся прийти сюда сегодня. Мне не хотелось слышать нотки печали и сожаления в голосах людей, когда они обсуждали моих родителей. Не хотелось, чтобы мне постоянно напоминали о том, каких замечательных людей я потерял. Заставляли чувствовать всю глубину моей потери. Но на самом деле, слушая, как другие люди отзываются о них, я невольно радовался, и вызываемые этими словами теплые воспоминания грели мне душу. Я запрятал большую часть своего прошлого так глубоко, чтобы оно не причиняло мне боль, что, оказывается, вытеснил некоторые воспоминания, очень важные для меня.

– Да, это так. И, насколько я мог заметить, яблоко от яблоньки недалеко падает. Я следил за вашей карьерой.

Я до сих пор не понимал, кто этот человек, но он, казалось, очень хорошо меня знал.

– Не могли бы вы дать мне свою визитную карточку? – попросил я. Возможно, когда-нибудь в будущем я смогу установить с ним деловые связи.

– Разумеется, – ответил он, раскрывая кошелек. – Вы ведь давно не показывались в Лондоне, не так ли?

– Да, сэр, – сказал я. – Я обычно там, где находятся мои клиенты.

Это, конечно, была ложь, но вполне правдоподобная.

– Понятно. Вообще-то я удивлен, что ваш брат никогда не пробовал работать в этой индустрии, – сказал он, протягивая визитку.

Тепло, которое я чувствовал, когда мы вспоминали моих родителей, превратилось в лед при упоминании моего брата. От осознания того, что Дэвид был сейчас здесь и спокойно распивал шампанское, наверняка за столиком Sparkle, я чуть не задохнулся – мне показалось, что в зале образовался вакуум и внезапно стало тесно. Мне хотелось подольше ощущать тепло и доброту, которые мои родители приносили в мир, а не вспоминать предательство, совершенное моим братом.

– Извините, пожалуйста, – сказал я и снова пожал руку незнакомцу. – Я тут кое-кого увидел, с кем мне надо срочно переговорить.

Девушка с золотисто-каштановыми волосами стояла у витрины в углу зала, любясь одним из моих любимых украшений.

Я оглянулась, желая убедиться, что на меня не обращали особого внимания в зале, полном мужчин в смокингах и женщин в платьях, каждое из которых стоило больше, чем весь наш дом в трейлер-парке в Орегоне. Нечто подобное мне приходилось видеть только в фильмах, и все же я была здесь, причем в качестве гостыи.

Я чувствовала себя не в своей тарелке.

Мои новые коллеги куда-то испарились, едва только мы вошли в этот огромный зал, и, учитывая количество людей, собравшихся здесь сегодня вечером, я, вероятно, их больше не увижу. Вот и хорошо. Автобус, который должен отвезти нас обратно в офис, отправлялся в одиннадцать, а это означало, что у меня оставалось не так много времени, чтобы как следует рассмотреть потрясающие королевские украшения, выставленные здесь на всеобщее обозрение.

Высокий официант предложил мне напитки с таким видом, словно в бесплатном шампанском не было ничего необычного. Я никогда раньше не пробовала шампанское и была полна решимости сохранять ясную голову, но, будь здесь моя сестра Отэм, она сказала бы мне, что нельзя упускать такой возможности. Я взяла бокал с подноса и направилась к одной из витрин с украшениями, принадлежавшими королевской семье Финляндии. Я приехала сюда, чтобы работать. Учиться. Чтобы обеспечить свое будущее. Моя трехмесячная стажировка была моим единственным шансом – единственной возможностью вырваться из той жизни, которую вели мои родители, из тоскливого существования в трейлер-парке, которым я уже сыта по горло.

– Вау, – сказала я довольно громко, подойдя к первой из витрин, расставленных по всему залу. Я смотрела на двухъярусную диадему и не верила своим глазам.

Я видела ее в Интернете. Королева Финляндии надевала это украшение в день свадьбы. Но увидеть это ювелирное чудо воочию, прямо перед собой – совсем другое дело. Диадема просто ошеломяла, здесь было на что посмотреть. Нижний ярус представлял собой ободок, усыпанный огромными бриллиантами, каждый размером с ноготь большого пальца. Верхняя часть напоминала ожерелье из чередующихся рубинов и бриллиантов. Издалека были заметны только крупные камни, но, подойдя ближе, я рассмотрела цепочку небольших

камней, перемежающихся еще более мелкими камушками. Это выглядело настолько необычно, что мне тут же захотелось зарисовать каждую деталь. На такой случай у меня в сумке всегда лежали блокнот и карандаш, но я не видела, чтобы кто-то еще что-нибудь записывал, и мне не хотелось привлекать к себе внимание сегодня вечером. Я и так выделялась среди гостей. Если бы я не старалась держаться скромно и незаметно, меня вполне могла бы задержать за недостойный высокого уровня собрания внешний вид та женщина-полицейский, дежурившая здесь сегодня вечером. Я надела дешевое, немного великоватое мне расклешенное белое платье, одолженное сестрой. В надежде выдать это убожество за коктейльное платье я пришила черные блески вокруг воротника. И даже позаимствовала у Отэм туфли, которые были мне отчаянно малы и уже натерли ноги.

Однако волдыри на пятках казались небольшой платой за пребывание в роскошном зале. Я проходила стажировку в ювелирном доме, у которого был реальный шанс выиграть этот конкурс. И выпавшая мне счастливая возможность могла сгладить боль, которую я бы непременно почувствовала в ином случае.

Мысль о том, чтобы стать частью команды, готовившей свадебные украшения для финской принцессы, стала пределом моих мечтаний. Я была бы счастлива, если бы мне удалось попасть на трехмесячную стажировку к одному из самых успешных ювелиров Лондона. Это послужило бы так нужным мне трамплином для того, чтобы устроиться на работу в Нью-Йорке в один из крупных ювелирных домов. Десяток отказов, полученных в ответ на мое резюме, четко давали понять: нет опыта – нет работы. Однако рекомендательное письмо от Чарльза Левина, генерального директора Sparkle, могло бы помочь открыть двери, которые захлопывались у меня перед носом. Возможно, это единственный билет в будущее из моей безнадежной жизни в Орегоне.

Я оглядела витрины, расставленные по всему залу, прежде чем заметила здоровенных парней из службы безопасности возле каждого из выходов. Очень много денег вращалось здесь сегодня вечером. Много талантов. Это пугало, но и необычайно будоражило. Меня охватила настоящая лихорадка приобретения – приобретения знаний. У меня было всего три месяца, чтобы впитать в себя как можно больше, а затем раздастся заветный звонок и... моя судьба может решиться. Надеюсь, я сделала достаточно, увидела достаточно, узнала достаточно, чтобы изменить свое будущее.

Почему не видно очереди возле стенда с диадемой? Она настолько красива, что мне хотелось закричать во весь голос, чтобы люди обратили на нее внимание. Но, с другой стороны, мне только на руку, что я могла любоваться ею в одиночестве. Я огляделась, чтобы удостовериться, что никто не обращает на меня внимания – конечно, так оно и было, – оставила свой бокал с шампанским на ближайшем столике, вытащила блокнот и принялась набрасывать идеи, вдохновленные этим шедевром.

В следующей витрине лежал серебряный гребень для волос, усыпанный мелкими бриллиантами в стиле паве[2 - Паве (франц. pave – вымощенный, мостовая) – обрамление, состоящее из множества мелких камней, расположенных таким образом, что ювелирное изделие кажется вымощенным ими. Камни в таком обрамлении удерживаются с помощью маленьких зубцов, походящих на крошечные капли металла. – Прим. ред.]. Рядом со мной вырос еще один высоченный официант с бокалами шампанского на подносе. Ежикот, я кажется, забыла свой бокал возле стенда с диадемой и даже не попробовала его! Интересно, можно ли мне взять еще один? Я вопросительно взглянула на официанта, но он и глазом не моргнул, поэтому я взяла бокал с подноса и снова повернулась к витрине.

Гребень, вероятно, принадлежал к Викторианской эпохе, судя по дате, написанной на табличке, аккуратно помещенной рядом с витриной, но оформлен был настолько лаконично, что казался абсолютно современным. Если бы я училась в художественной школе или каком-нибудь специализированном колледже, возможно, я бы узнала руку ювелира. Последние несколько лет я проводила исследования, но у меня едва хватало времени изготавливать и продавать те немногие изделия, которые я могла себе позволить, не говоря уже о том, чтобы найти время для изучения истории ювелирного дела. Я начинала с того, что просто зарисовывала свои придуманные украшения во время рабочего перерыва на фабрике. В какой-то момент я приобрела на eBay необходимые инструменты для пайки и скопила немного серебра. И вот однажды, придумав украшение, которое настолько мне понравилось, что я просто не могла оставить его на бумаге, я сделала свою первую работу. Когда я повесила на шею ту первую подвеску, которую сделала сама – серебряный дубовый лист, – со мной что-то произошло. Впервые в жизни у меня появилась собственная цель, не связанная, как это происходило до сих пор, с тем, чтобы мои родители вовремя платили за аренду своего трейлера или с оплатой за обучение моей сестры. Это было нужно мне, мне одной. Я поняла, что ювелирное дело – мое призвание.

Я сделала несколько заметок и набросала пару идей. Разумеется, я знала, что Sparkle даже рассматривать не станет ни один из моих проектов для участия в конкурсе, но я хотела научиться работать со специализированным программным обеспечением компании, чтобы воплощать свои дизайнерские идеи.

В этом зале царили красота и вдохновение, и я хотела впитывать все это, пока есть такая возможность. Я многое упустила, не поступив в колледж, но сейчас меня переполняла решимость узнать как можно больше за время, проведенное в Лондоне, выжать из этого опыта все, что можно, до последней капли.

Я просочилась между подносами с канапе и хрустальными бокалами к следующему стенду, а затем к еще одному и еще... Если бы небеса оказались похожими на этот зал, я бы не сильно удивилась.

Обходя витрину, где были выставлены три браслета, я услышала, как несколько человек, стоявших слева от меня, шептались о некоем Декстере Дэниелсе. Как я поняла, участие этого Дэниелса в конкурсе стало огромным событием. Таинственный затворник, известный тем, что не имел магазина в Лондоне, а также тем, что был невероятно успешным, несмотря на молодость, он считался одним из претендентов на победу и, как я слышала, был потрясающе красив.

Очевидно, он унаследовал семейные гены – его родители разработали и создали диадему, которой я только что любовалась. Я вспомнила о том, что моему семейному бизнесу не раз приходилось скрываться от арендодателей, чтобы потянуть с оплатой. Быть членом семьи, которая оставила свой след в истории, создавая драгоценные украшения для королевской семьи... Этому самому Декстеру невероятно повезло... Интересно, сам-то он понимал это? Расти и взрослеть в окружении всего этого совершенства... Неудивительно, что он так успешен в своем деле.

Пока я делала наброски в блокноте, женщина, стоящая с другой стороны витрины, толкнула локтем свою подругу и сообщила ей театральным шепотом:

– Смотри. Вон там, у бара. Тот, что повыше. Это он и есть. Тот самый Декстер Дэниелс.

Я посмотрела в сторону, указанную женщиной. В этот момент высокий мужчина в дальнем конце зала повернулся к нам лицом. Его нахмуренный лоб и

страдальческое выражение лица потрясли меня. Как, черт возьми, можно чувствовать себя несчастным в такой вечер, в окружении всех этих изумительных вещей? Декстер потер пальцами переносицу... Видимо, раздражение от своего невероятного успеха он выносил с огромным трудом.

Да, слухи не ввали. Это был самый красивый мужчина в зале. Возможно, и во всем Лондоне.

Его густые, волнистые, почти черные волосы выглядели идеально – достаточно длинные, чтобы пропустить их сквозь пальцы, но не настолько длинные, чтобы можно было собрать их в хвост или, что еще хуже, в пучок на макушке, как делают некоторые мужчины. Похоже, он единственный из представителей мужского пола здесь не надел галстук к строгому костюму; расстегнутый ворот рубашки открывал бронзовую кожу его шеи. Он отличался от всех собравшихся в зале, но не потому, что жил всю жизнь в трейлере или носил одолженную обувь на размер меньше. И дело не в его росте, исходящей от него уверенности или в легкой щетине, затеняющей его щеки и подбородок. Он выделялся, потому что выглядел так, словно был клиентом ювелиров, собравшихся в этой комнате, а вовсе не их коллегой. Он казался просто богатым парнем, который мог бы потратить пару миллионов на ожерелье для своей жены, а заодно подобрать что-нибудь для любовницы. Кто-то подошел поприветствовать его, и выражение печали исчезло с его лица, сменившись широкой улыбкой. Такая улыбка вполне способна помочь чему угодно – заключить сделку, почувствовать себя самым особенным человеком в этом зале и, без сомнения, заставить женские трусики упасть на пол.

Впрочем, уж точно не мои. Я передернула плечами и, снова опустив взгляд на браслеты, продолжила рисовать.

Покончив с эскизами, я еще раз внимательно оглядела зал – не пропустила ли что-нибудь важное. В дальнем углу обнаружилась небольшая витрина, которой, я могла бы в этом поклясться, раньше не было. Неужели я ее пропустила? Я взглянула на часы – до автобуса оставалось еще несколько минут.

Я подошла к витрине – просто потому, что здесь нельзя было ничего пропустить, – и замерла, едва не выронив блокнот. Под стеклом лежало самое изумительное кольцо, которое я когда-либо видела. Гораздо более простое, чем большинство представленных здесь сегодня украшений, оно привлекало внимание крупным квадратным изумрудом, обрамленным мелкими

бриллиантами. В то время как большинство выставленных в этом зале украшений могли похвастаться оригинальным дизайном или блестящей техникой исполнения, этот перстень ни на что подобное не претендовал. Выполненный в классическом стиле, он был тем не менее великолепен. Возможно, он служил обручальным кольцом, но камень был огромен! Я положила руку на стекло рядом с ним, чтобы получить представление о его размерах. Контраст показался мне просто ужасным – моя загрубевшая рука, не знавшая, что такое маникюр, сделанный в салоне, – и этот элегантный, изящный, совершенный во всех отношениях перстень.

Еще неделю назад я сидела дома, в трейлер-парке «Саншайн», и занималась своим маленьким интернет-магазином, который приносил пару заказов на недорогие ожерелья в месяц. И вот теперь я оказалась на другом конце света, в окружении всех этих безумно красивых людей и потрясающе красивых украшений... Меня ждала трехмесячная стажировка у одного из самых лучших ювелиров мира. И пусть мои руки никогда не знали таких изысканных украшений, я тем не менее могла вдохновиться ими, чтобы сделать что-то поистине красивое.

Глава 3

Холли

Я знала, что должна уйти с вечеринки прямо сейчас, чтобы не опоздать на автобус, но мне хотелось урвать еще хоть несколько мгновений, только бы полюбоваться этим кольцом. Я сунула блокнот и ручку обратно в сумку и снова прикинула к витрине. Когда еще у меня появится возможность увидеть своими глазами подобные драгоценности, обладающие такой удивительной историей, воплощающие собой вершину творческого воображения и таланта?

Только сейчас я поняла смысл слов из «Властелина колец». Я могла бы с радостью побороть свое неверие в волшебников и хоббитов, но мысль о том, что какой-то мистический золотой ободок может вдохновить на подвиги с риском для жизни и здоровья, всегда казалась мне нелепой. И все же, глядя на изумруд, я полностью и бесповоротно осознала, что существуют вещи, ради которых, возможно, стоит отправиться в Мордор. Не было ничего такого, чего бы я не

сделала, чтобы надеть это кольцо себе на палец. И снова я приложила руку к стеклу. Камень был очень крупным, но в этом и заключалась часть его очарования. Вы бы больше ни на что не смотрели, если бы это кольцо оказалось в поле вашего зрения. Ободранный маникюр и старое платье остались бы незамеченными, если бы на моей руке сверкал этот драгоценный камень. Я могла бы даже вписаться в компанию всех этих важных гостей сегодня вечером. Все, что для этого потребовалось бы – кольцо стоимостью в несколько миллионов долларов.

– Вам оно подходит, – произнес какой-то мужчина у меня за спиной. От его хриповатого голоса у меня по позвоночнику пробежала невольная дрожь, как будто кто-то провел пальцем по голой коже моей спины.

Я резко повернула голову и увидела невероятного, великолепного Декстера Дэниелса, широко мне улыбающегося, глаза его при этом весело поблескивали. Если, глядя на него через весь зал, я решила, что он красив, то, встретившись с ним лицом к лицу, отнюдь не разочаровалась. Широкоплечий и высокий – он заполнил все пространство передо мной, а чтобы посмотреть ему в глаза, мне пришлось запрокинуть голову. Он стоял совсем близко, как будто собирался поделиться со мной каким-то секретом, и от его сшитого на заказ костюма исходил слабый древесный аромат. Волнистая прядь блестящих черных волос падала ему на лоб, и я невольно подумала, что будет, если я протяну руку и поправлю ему челку.

Я отвернулась, не уверенная, смогу ли произнести что-то связное, если продолжу на него смотреть.

– К сожалению, оно мне не по карману, – сказала я, продолжая держать руку на стеклянной витрине.

– Не уверен, что оно продается, – ответил он. – Но если бы это было так, вы непременно должны были бы обладать им.

– Верно, – рассмеялась я. – А еще я заслуживаю быть владелицей замка в Шотландии, однако его тоже нет в моем списке покупок на эту неделю.

Я взглянула на Декстера, ожидая ответа, но он лишь молча рассматривал меня. Наконец, прервав слишком затянувшееся молчание, он снова заговорил:

– Ваши глаза отличаются неповторимым, изумительным оттенком зеленого, да еще и с великолепными голубыми крапинками, совсем как замбийские изумруды.

Я хотела было ехидно фыркнуть, восприняв его слова как насмешку, но не успела – в то же мгновение он отступил назад, его лицо покраснело от смущения, словно эти слова против воли сорвались с его языка.

– Бог мой, извините, я говорю так, будто имею на это право. – Он потер переносицу, словно в растерянности, и мне инстинктивно захотелось утешить его.

– Не извиняйтесь. Мне нравятся изумруды. Можно сказать, я их фанатка. Меня зовут Холли.

Он как-то неловко усмехнулся.

– Декстер Дэниелс, и клянусь, что обычно я не позволяю себе быть таким навязчивым. Некоторые люди даже укоряют меня в том, что я слишком деликатен. – Он немного прищурился. – А глаза у вас действительно необыкновенные.

– Да, как необыкновенные замбийские изумруды. Я запомню, что бы это ни значило.

– Подождите. Вы хотите сказать, что не видели замбийских изумрудов? – спросил он, доставая из кармана телефон. – Но разве вы не из ювелирной индустрии?

Я пожала плечами как можно более равнодушно.

– Да нет, я простой стажер.

– Мы все должны с чего-то начинать.

– Ладно, – сказала я. – Давайте считать, что я делаю первые шаги.

Я очень надеялась, что мой интернет-магазин станет для меня первым шагом, и во многих отношениях так оно и вышло. У меня самой просто не было ни времени, ни денег на изготовление собственных украшений, чтобы получать с них прибыль. Магазин стал для меня скорее хобби, но он зажег во мне надежду, благодаря ему я смогла поверить, что после того, как моя сестра Отэм закончит школу, у меня может начаться жизнь вне пределов трейлер-парка.

Декстер протянул мне свой телефон, на экране которого светилось изображение огромного изумруда.

– Он не так красив, как этот, – заметила я, возвращая телефон и кивая на кольцо в витрине.

– Или ваши глаза, – ответил он.

На мужчину с таким потрясающим лицом и фигурой женщины должны были вешаться гроздьями. Так что он делал здесь сейчас, со всеми своими разговорами о моих глазах? Конечно, он был великолепен, но меня не интересовала красота, если только она не могла резать стекло. Я должна была сосредоточиться на своей стажировке. Я приехала в Лондон отнюдь не ради командировочного романа.

– Извините, если опять покажусь вам навязчивым, – сказал он. – Но могу я узнать, что еще, кроме кольца, которое так изумительно подходит к вашим глазам, вам здесь понравилось?

– А разве тут есть что-то, что может не нравиться? Я приехала сюда из Новерсвиля, штат Орегон. И мне все здесь кажется потрясающим. А как насчет вас? – спросила я. – Есть здесь что-то, что нравится вам больше всего?

– Диадема. – Он запустил пальцы в волосы, словно пытаясь скрыть неловкость.

– Да, она великолепна, – согласилась я. – А верхний ряд выполнен просто гениально.

Он кивнул, но не стал больше распространяться на эту тему, словно у него внезапно переменилось настроение. Возможно, он подумал о диадеме и о том,

как трудно было бы придумать и создать что-нибудь не менее потрясающее.

– Она устанавливает достаточно высокую планку для всех участников конкурса, – заметила я.

– Что ж, я рожден, чтобы принять этот вызов, – ответил он. Его настроение снова внезапно изменилось, и он широко улыбнулся. – Эту диадему создали мои родители.

– Я слышала об этом. Так, значит, победа в конкурсе – ваше... предназначение?

– Скорее долг.

Я ожидала от него услышать совсем не то. Я начала понимать, что под почти вызывающе сексуальной внешностью Декстера Дэниелса и его небрежно расслабленным видом скрывалась необъятная глубина. И чем дольше я находилась рядом, дыша с ним одним воздухом, тем больше мне хотелось знать о нем все.

– Любопытная точка зрения, – начала я, и тут мой взгляд упал на часы Декстера. – Боже! Я должна уже пятнадцать минут назад стоять у входа, там ждет машина.

– Позвольте мне сопроводить вас, – сказал он и, положив ладонь на мою талию сзади, мягко, но уверенно развернул меня в направлении выхода. Исходящий от него жар вновь заставил меня вздрогнуть.

Я очень надеялась, что автобус еще не уехал. У меня не было денег на такси, и я еще не разобралась в линиях метро.

– И кто тот счастливчик, кому предназначено отвезти вас домой? – спросил Декстер. – Господи, я снова говорю вам какие-то пошлости. Сам не пойму, что со мной сегодня такое.

Я рассмеялась.

– Думаете, все дело во мне? Я вас подталкиваю на пошлости? Это лучший комплимент на свете, – сказала я, когда мы подошли к выходу.

Вытянув шею, я оглядывалась во все стороны, но так и не смогла обнаружить автобус там, где он должен был нас ждать. Неужели меня просто бросили здесь? Но ведь британцы слишком хорошо воспитаны, чтобы сделать что-то подобное, разве нет?

– Я должна была встретиться здесь со своими коллегами, – убитым голосом произнесла я.

Похоже, я влипла. Я должна была получить телефон с британским номером от компании только на следующий день, а мой старенький телефон с американским номером и без международного роуминга остался в комнате, которую я сняла. В любом случае, я не собиралась обмениваться номерами телефонов со своими новыми коллегами по Sparkle. Зачем им телефон какого-то стажера?

Мне нужно было неизвестно как добраться до дома, но только после того, как я избавлюсь от Декстера. Он уже и так завладел моим вниманием настолько, что я опоздала на автобус. Одному Богу известно, что произойдет, если я позволю этому продолжиться еще хотя бы минуту.

Я протянула руку.

– Было приятно познакомиться с вами, Декстер Дэниелс. – Он в ответ лишь широко улыбнулся, сжимая мою ладонь в своей. – Однако я была бы вам очень признательна, если бы вы показали мне, в какой стороне находится станция метро, и я пойду своей дорогой. Эти замбийские глаза нуждаются в хорошем отдыхе.

Прямо к нам подкатила машина, и он открыл заднюю дверцу.

– Прошу вас, – сказал он, обращаясь ко мне и жестом приглашая сесть. – Я подвезу вас, куда вам нужно.

– Это ваша машина? – спросила я. – Мама предупреждала, чтобы я не садилась в машины к незнакомцам.

Разумеется, это было не так. Это я постоянно говорила своей сестре не садиться в машины к незнакомым мужчинам. А что до матери, то она весьма такие поступки одобряла, ведь таким образом можно было сэкономить на стоимости проезда в автобусе.

– Но ведь мы теперь друзья, не так ли? – сказал он. Глаза его лукаво блеснули. – Во всяком случае, я теперь для вас не незнакомец.

Я молча прикинула все варианты. Я могла сесть в машину к самому красивому мужчине Европы, который отвезет меня домой в целости и сохранности либо порубит на мелкие кусочки и скормит своей собаке. С другой стороны, я могла бродить по улицам весь вечер, пытаюсь найти дорогу домой, и в конечном итоге все равно встретиться с маньяком-убийцей. Казалось, что шансы добраться до дому или быть убитой и в первом, и во втором случае равны.

– Можете поклясться, что вы не серийный убийца?

– Честное скаутское слово, – сказал он, подняв три пальца.

То, как блеснули его глаза при этих словах, заставило меня заподозрить, что Декстер настолько далек от бойскаутов, насколько это возможно в принципе. Но я потерялась в незнакомом большом городе, и, что бы сейчас ни решила, рисковать придется в любом случае.

Я оперлась на руку Декстера, когда он помогал мне сесть в машину. Дверь закрылась, и водитель сказал, оборачиваясь ко мне:

– Добрый вечер, мэм.

Он, наверное, подумал, что Декстер отвезет меня к себе домой. Кем бы он ни был, но уж точно не таким. Я бы не могла так ошибиться...

– Так куда ехать? – спросил Декстер, садясь на заднее сиденье рядом со мной.

Я наклонилась вперед, чтобы назвать водителю адрес, и услышала, как Декстер хмыкнул за моей спиной.

– Что не так? – спросила я.

– Ничего особенного, – сказал он таким тоном, будто только что узнал какой-то мой страшный секрет, а я об этом ни сном ни духом.

– Вы, видимо, хотели, чтобы я сказала свой адрес вам, а вы уже сообщите его водителю? Возможно, у вас имеются проблемы с желанием все контролировать, которые стоит обсудить с вашим психоаналитиком? – поддразнила я его, усмехаясь. Оставалось надеяться, что этот парень понимает шутки. – Наверное, вы удивитесь, узнав, что в Америке женщины способны самостоятельно, без мужской помощи назвать свой адрес шоферу.

– Похоже, по ту сторону Атлантики мир совсем иной, – сказал он, не в силах сдержать ответную улыбку.

Назвав водителю адрес, я откинулась на спинку мягкого кожаного сиденья.

– И как давно вы в Лондоне? – спросил он.

Я сосчитала на пальцах.

– Шесть дней. Ну, шесть с половиной, если считать разницу во времени. Я приехала в прошлую субботу утром.

– О, вот как. Вы впервые в Англии?

– Да. До этой поездки у меня даже паспорта не было.

Я вовсе не собиралась говорить ему, что вообще впервые покинула Орегон только неделю назад. Ведь это был суперуспешный, искушенный парень, который, без сомнения, объездил весь мир. Я могла побиться об заклад, что ему еще не доводилось встречать кого-то, кто никогда не выезжал за пределы своего штата, не говоря уже о том, чтобы жить в обычном трейлере.

– И как вам здесь, нравится? – спросил он.

– В основном потрясающе, хотя некоторые парни довольно навязчивы.

Он кивнул, поджав губы.

– Точно. Прилипают, как фондю.

– Честно говоря, никогда не пробовала фондю, – призналась я. – Но, как могу представить, это что-то божественное. Думаю, в ближайшие три месяца меня ждет много нового. Будем надеяться, что и фондю там тоже где-нибудь будет.

Надо сказать, что за эти несколько дней у меня уже и так произошло столько нового, сколько я и представить себе не могла. Да за один сегодняшний вечер этого нового было больше, чем пальцев на обеих руках. Я первый раз побывала в бальном зале шикарного модного отеля. Первый раз пила шампанское. Впервые своими глазами увидела вблизи самые великолепные в мире украшения стоимостью в миллионы долларов.

В первый раз меня вез домой потрясающе красивый незнакомец, который к тому же оказался одним из самых известных ювелиров в мире.

– Что ж, я рад, что это именно так. По-моему, это будет справедливо, учитывая, что моя навязчивость отвлекла вас от встречи с вашими коллегами этим вечером. Я должен загладить свою вину перед вами.

Его вины никакой не было. Но он, разумеется, и так это знал.

– Предлагаете мне свидание? – спросила я.

– Свидание с фондю, – кивнул он.

Заморосило, и я стала следить за движением капель дождя по окну машины, чтобы не выдать, как меня обрадовало его приглашение.

Большинство женщин сочли бы такое приглашение слишком шикарным, чтобы от него отказаться, но этот парень и так сбил меня с толку.

– Я не уверена, что это хорошая идея.

– Мне нравится говорить с вами о фондю, – сказал он, глядя на меня откровенно раздевающим взглядом. – И я хочу пригласить вас на ужин.

Меня не часто приглашали на свидания. А когда это случалось, мне еще реже хотелось сказать «да». Фондю-вечеринка с Декстером – это звучало великолепно, но отчего-то казалось мне неправильным. Это ничто иное, как потакание своим нескромным желаниям и глупости. Я ведь уже приехала в Лондон на стажировку своей мечты. Неужели мне этого недостаточно?

Вернувшись в Орегон, я должна быть очень осмотрительной, следить за тем, чтобы у нас хватало денег на оплату аренды нашего с сестрой трейлера, трейлера моих родителей, а также на оплату учебы Отэм, для покупки бензина и еды. Сыр на гриле был для нас обыденным блюдом, и мы вполне могли приготовить что-нибудь креативное из других продуктов питания, приобретенных со скидкой. Я провела большую часть своей жизни, беспокоясь о том, чтобы свести концы с концами. Поездки в Лондон и так более чем достаточно, без всяких свиданий за ужином. Я даже не хотела подсчитывать кармические последствия совместного времяпровождения с Декстером Дэниелсом.

Тем временем машина свернула на улицу, где я теперь жила, и мой пульс начал учащаться. Мне очень не хотелось отказываться от свидания, но я не представляла себе, как могу сказать «да» в этой ситуации.

– Могу я взять время на размышление? – неуверенно спросила я.

Он усмехнулся.

– Если это вам необходимо. Дайте мне ваш номер.

– Почему бы вам не дать мне свою визитку? Я сама позвоню.

Я пока не знала, какой у меня будет номер в Великобритании, и не было смысла давать ему свой американский номер, которым я боялась пользоваться из-за дороговизны связи.

Он вытащил свою визитную карточку из внутреннего кармана. Что ж, даже если я никогда не решусь ему позвонить, у меня останется кое-что на память о том, как он приглашал меня на свидание.

Мы остановились возле моего дома, и, прежде чем я успела пожелать спокойной ночи, Декстер вышел из машины, обогнул ее сзади и открыл дверь с моей стороны.

– Спасибо, – сказала я, когда он протянул мне руку, помогая выйти из машины. – За то, что подвезли. И за приглашение.

– Я надеюсь, что вы позвоните мне. – Он поднес мою руку к губам и поцеловал.

Хотя разум твердил мне, что я никогда этого не сделаю, другая часть меня, та, которая верила, что в этой жизни возможны чудеса, тоже надеялась, что я все-таки решусь позвонить ему.

Глава 4

Декстер

Я никогда не относился к числу бизнесменов, прикованных к своему телефону. Как и мой отец, я считал, что бизнес следует вести, делая упор на личное общение, и предпочитал решать вопросы путем прямых переговоров. Но в то утро я поглядывал на экран телефона, наверное, тысячи раз.

– Ты что, ждешь какого-то звонка? – спросила Примроуз, садясь напротив меня и вытаскивая свой планшет.

– Нет. – Я сунул телефон в верхний ящик письменного стола. Может, если не держать его в руке, то я не стану на него отвлекаться.

– Как идет работа? Прошлым вечером я полюбовался нашей свадебной диадемой, что еще раз напомнило мне о нашей необходимости придерживаться самых высоких стандартов.

– Прости, я не смогла присутствовать на приеме. Как все прошло?

– Не стоит извиняться, – ответил я. – Просто ужасное мероприятие, где собрались все наши конкуренты и партнеры. Ты была права, проигнорировав тусовку.

Вообще-то мероприятие оказалось не таким ужасным, как я ожидал. Мне было очень приятно вспомнить забытые моменты прошлого и услышать вещи, которых я не знал о своих родителях – например, то, что за моей матерью охотились самые известные ювелирные дома, но она предпочла продолжать работать с отцом. Надо сказать, это придавало мне сил и уверенности. Если бы я не пошел туда прошлым вечером, так об этом и не узнал бы.

То, что я заметил имя моего брата в списке гостей и весь вечер боялся на него наткнуться, заставило меня чувствовать себя крайне неудобно. Я понятия не имел, каким образом он оказался среди приглашенных. Насколько я знал, он по-прежнему работал в одном из банков. Зачем ему понадобилось приходить на прием?

Но произошло и кое-что еще... Знакомство с Холли.

Встреча с ней стала для меня необычным опытом. Я посмотрел на верхний ящик письменного стола. Рука сама тянулась к телефону. И все же, если она позвонит в течение пяти минут, ей придется подождать. У меня все-таки совещание.

Я действительно рассчитывал, что к этому времени она обязательно позвонит. Честно говоря, я страшно злился на себя за то, что не настоял на своем и не уговорил ее дать мне свой номер телефона.

– Мы с мужем праздновали тридцатитрехлетие совместной жизни, так что я вовсе не уваливала. Слышала, ты там встретил Бена Левина?

Точно, это же тот парень, которому нравился смех моего отца.

– Да, он один из немногих людей, с которыми я побеседовал. Черт, а ты откуда знаешь?

Примроуз постучала по кончику носа.

– Ты ведь избегал общения с представителями ювелирной отрасли Лондона все эти годы, поэтому сообщаю тебе, что этот парень знает все, что происходит в этом городе.

Примроуз родилась в тот же месяц, что и моя мать. Она жила нашим общим делом так же, как и я, как и мои родители. Для нас всех это не просто работа, а призвание. Вот почему я воспринимал Примроуз как члена своей семьи. Мы с ней были одной крови.

В отличие от моего брата. Он поспешил выйти из семейного бизнеса после смерти родителей, поэтому я недоумевал, что он мог делать на корпоративном мероприятии.

– Я не заметил там ни одного человека из организационного комитета. Получается, можно было бы и вовсе не ходить туда, – заметил я.

Примроуз вздохнула.

– Неужели нам придется снова через это пройти?

– Не понимаю, почему мы не можем просто разработать дизайн украшений и их изготовить? Выбрать лучшие на свете камни, огранить их и выиграть этот конкурс, мать твою?

– Декстер, – резко одернула меня Примроуз. В ее голосе явно слышалось осуждение.

– Ох, прости. Я хотел сказать, почему мы не можем просто показать, что мы лучшие в ювелирном деле?

Примроуз могла закрывать глаза на мое сквернословие, но это выражение она категорически не принимала.

– Именно это мы и собираемся сделать, – сказала она.

– Тогда зачем нам участвовать во всех этих коктейльных вечеринках, торжественных ужинах и благотворительных акциях?

Она рассмеялась.

– Впервые в жизни тебе придется играть не по своим, а по чужим правилам. Ты пренебрегал общением с представителями отрасли на протяжении всей своей карьеры. Тем не менее тебе все-таки придется использовать свое обаяние, вступив с ними в игру, если ты действительно хочешь победить.

– Именно этого я и хочу, – ответил я. – Выиграть сражение.

Примроуз кивнула:

– Я тоже. Поэтому во время проведения конкурса ты должен пожимать руки, поддерживать светскую беседу, обмениваться любезностями со всеми этими ребятами и при этом не выглядеть так, словно все эти годы смотрел на них свысока, считая ниже своего достоинства общаться с ними.

Примроуз, как и я, прекрасно знала, что реальная причина моего стремления держаться подальше от Лондона никак не связана с моим высокомерием, как бы упорно меня в нем ни обвиняли.

Причина в моем нежелании оглядываться назад. Я предпочитал смотреть в будущее, а не в прошлое.

– Ну, хорошо. А теперь давай обсудим дизайн. Что ты можешь показать?

Примроуз вывела на экран планшета изображения серег, над которыми работала.

– Не уверена, что мне удалось добиться «морозного эффекта», чтобы серьги были похожи на снежинки и льдинки – по крайней мере, пока, – сказала она. Серьги были выполнены в форме снежинок из довольно крупных бриллиантов, сплошь покрывающих основу и создающих единый мощный узор.

– Тем не менее мне нравится этот вариант. Мелкие камни смотрятся лучше. К тому же они не такие уж и маленькие, поэтому выглядят достаточно роскошно.

– Ты прав. Думаю, важно выбирать лучшие камни для базовых элементов украшений, – сказала Примроуз.

Нам потребовалось достаточно времени для того, чтобы отладить дизайн украшений и их производство и предлагать ювелирные изделия такого уровня качества, к которому стремилась компания Daniels & Co. Сначала Примроуз пришлось нелегко, но в последние пятнадцать лет она тоже прониклась моим видением нашего стиля.

– Именно благодаря этому подходу мы и преуспевали до сих пор.

Действительно, одной красоты для украшений недостаточно. Необходимо находить качественные камни, делать правильную огранку, и только тогда дизайн сможет заиграть. Зачастую нам приходилось менять изначальный план, чтобы как можно выгоднее продемонстрировать красоту камней. Некоторые изделия прекрасно выглядели на эскизе или даже в трехмерном изображении, но в реальности проигрывали из-за неправильной подборки камней. Именно умение разрабатывать такой дизайн украшений, чтобы подчеркивать красоту каждого камня, и обеспечивало Daniels & Co преимущества на рынке ювелирных изделий.

На первом этапе конкурса участники должны предложить свои идеи по дизайну свадебных украшений. Но только после определения трех финалистов конкурса понадобится представить реальные ювелирные изделия. На их изготовление требуются немалые средства, поэтому многие ювелиры как можно дольше откладывали этот процесс, сосредоточившись в основном на дизайне, на случай если не пройдут на следующий этап конкурса. Но мы решили сразу заняться огранкой камней и изготовлением отдельных элементов украшений. Только так можно понять, как будут выглядеть изделия еще на первом этапе. Мы станем выбирать дизайн, учитывая не то, как изделия будут выглядеть в теории, но то, как заиграют в них подобранные нами камни.

– Я также думал, не использовать ли нам изумруды, – пояснил я. – Если удастся раздобыть высококачественные изумруды из Замбии, то стоило бы попробовать.

– Ты правда так считаешь? – спросила Примроуз. – Почему тогда не использовать колумбийские?

Перед моим внутренним взором так и сияли прекрасные глаза девушки, которые я увидел прошлым вечером... как замбийские изумруды.

– Вспомни о том, чему должны быть посвящены эти украшения. Колумбийские изумруды считаются лучшими именно из-за интенсивности цвета.

– Вот именно.

– Но нам-то надо передать колорит Финляндии, ее природу.

– Совершенно верно, – ответила Примроуз, растягивая слова, что означало либо то, что она считает мою затею глупой, либо что она начинает терять терпение.

– Подумай сама... Северное сияние не отличается яркими цветами. В нем преобладают сдержанные, приглушенные цвета. Зеленовато-голубые всполохи с постоянно меняющимся узором – этаким танец света и тьмы. Нечто мистическое и неземное, что чарует и завораживает. – Я не был уверен, что на самом деле описываю – то ли красоту северного сияния, то ли свое впечатление от вчерашней встречи с загадочной, очаровательной американской девушкой. Возможно, и то, и другое, ведь когда я засыпал вчера, я видел эти волшебные глаза, такие глубокие, переливавшиеся различными оттенками зеленого. Мне безумно хотелось передать эту красоту с помощью драгоценных камней. – Тайна и волшебство. В этом вся суть северного сияния. Именно этого эффекта нам и следует попытаться достичь.

Я ни о чем другом не мог думать после того, как столкнулся с Холли накануне вечером. Уже в самом начале вечера я обратил на нее внимание и надеялся, что мне удастся с ней поговорить, но когда подошел к ней поближе и заглянул в ее удивительные глаза, то просто растворился в них. Черт, все-таки надо было взять у нее телефон.

– Ну что ж, ты понимаешь толк в этих камнях лучше, чем кто-либо другой, – сказала Примроуз. – Значит, так тому и быть.

– Надо найти хорошего поставщика. Замбийские изумруды довольно сильно различаются по оттенку, поэтому придется подбирать тщательнее.

Примроуз издала смешок.

– Разборчивость – это твое второе имя. Что-что, а выбирать ты умеешь прекрасно.

Я вовсе не испытывал угрызений совести из-за своей требовательности. Да, мне трудно угодить, но это в основном и позволило мне добиться успеха. Благодушие не всегда бывает полезным.

– Значит, поход на вчерашнее мероприятие не доставил тебе удовольствия? – спросила Примроуз, убирая планшет в чехол. – А Стэйси там понравилось?

На секунду я задумался, пытаюсь вспомнить, кого она имела в виду.

– Разве я тебе не говорил? Мы со Стэйси расстались несколько месяцев назад.

– Декстер, что случилось? – Судя по ее тону, она придавала этому пустяку слишком большое значение.

– Ничего особенного. Полагаю, просто наши отношения исчерпали себя. – Я попытался вспомнить, кто из нас стал инициатором разрыва. Похоже, все-таки она.

– Исчерпали себя? Она такая милая, такая заботливая...

– Да. Она замечательная, – согласился я, поглядывая на верхний ящик письменного стола и гадая, не позвонила ли Холли. Если бы я не растерялся так вчера вечером, то сообразил хотя бы узнать ее фамилию.

– Ну, если ты признаешь, что она замечательная, почему вы в таком случае расстались?

Примроуз смотрела на меня так, словно мой разрыв со Стэйси невероятен, хотя все было так же банально, как и со всеми другими женщинами, с которыми я

встречался. Они хотели, чтобы наши отношения «развивались» или «перешли на другой уровень», или вообще предлагали жить вместе. Я обычно предпочитал оставаться на ранней, ни к чему не обязывающей стадии отношений, но женщины всегда хотели большего. Я знал, что не могу им этого дать, но все же я не такой человек, чтобы продолжать их обманывать.

– Может быть, тебе уже пора, в конце концов, забыть о Бриджет? – спросила Примроуз.

Я откинулся назад в своем кресле.

– У нас с Бриджет были особенные отношения, но я сам все испортил. Вот и все. Я не смог нормально выстроить отношения с ней, почему же это должно у меня получиться с кем-то еще? – Когда я, наконец, попытался все исправить, оказалось, что Бриджет уже связала свою жизнь с кем-то, более достойным ее, чем я. Я знаю, что она вышла замуж и счастлива. По крайней мере, это можно назвать закрытием гештальта.

– Но ведь это было так давно, – вздохнула Примроуз.

– Да, но ошибку уже не исправишь. Важно то, что теперь я не собираюсь ее повторять. – Мама всегда твердила нам с братом, что не всегда все может идти гладко – это закон жизни. Важнее то, чему мы учимся на примере неудач.

– Получается, ты избавлялся от этих женщин, как только они начинали требовать от тебя большего, вместо того чтобы пытаться выстраивать с ними отношения.

Я не желал обсуждать свою личную жизнь с Примроуз. Она действительно хотела, чтобы я просто женился, и неважно на ком. Ей нравились абсолютно все девушки, с которыми я ее знакомил. И я ее понимал. Она действительно хотела, чтобы я был счастлив. Но я не из тех мужчин, кто жаждет жениться и завести семью. Бриджет была единственной женщиной, насчет которой у меня появлялись подобные мысли. И если уж у меня с ней ничего не получилось, значит, я неспособен дать никакой другой женщине то, чего она ждала от меня.

– Думаю, твоя идея насчет серег довольно удачная. Мне просто не терпится увидеть их готовыми. Однако давай подготовим и другие варианты на тот

случай, если жюри будет чересчур придираться. Как думаешь, когда вы с Франком сможете продемонстрировать что-то готовое?

Примроуз выразительно вздохнула и встала с кресла, поняв, что я не желаю продолжать разговор о личной жизни. Я ясно дал ей понять, что нам с ней не стоит обсуждать мои отношения с женщинами.

– К концу следующей недели.

– Я хотел бы получить от вас наброски диадемы с замбийскими камнями вместо колумбийских. Это возможно?

– Конечно. Я могу изменить с учетом твоих пожеланий те три варианта, которые мы сейчас разрабатываем, – произнесла она, открывая дверь.

Я выждал три секунды после ее ухода, рывком открыл верхний ящик письменного стола и вытащил телефон.

Ничего. Она так до сих пор и не позвонила. Черт возьми, я веду себя как озабоченный подросток. А что, собственно, такого? Можно считать, мы просто прервали отношения, как это получалось со всеми женщинами, с которыми я встречался после Бриджет. Может, не стоило даже давать Холли мою визитную карточку? Лучше предаваться фантазиям о том, как все между нами могло бы сложиться восхитительно, чем разочаровывать ее, как и всех ее предшественниц.

Впрочем, зачем обманывать себя? Я не находил себе места, мечтая о новой встрече с этой девушкой.

Я принялся просматривать сообщения. Ничего.

Может, посещение мероприятий в рамках конкурса предназначалось не только для того, чтобы я показал представителям отрасли, что открыт к сотрудничеству? А вдруг я снова наткнусь на Холли и на этот раз сумею убедить эту американку, впервые приехавшую в Лондон, пойти в ресторан, чтобы отведать фондю? Следующим мероприятием должен стать благотворительный обед на следующей неделе, и, наверное, впервые в жизни меня не пугала

перспектива светской тусовки, и я даже предвкушал возможность отведать хорошего вина.

Глава 5

Холли

Все сотрудники недавно ушли, оставив меня в темном офисе, и только свет монитора освещал мне путь к знаниям, в том числе – к освоению специализированного компьютерного обеспечения для дизайна ювелирных изделий. Видимо, мне все же придется использовать для этих целей новый смартфон, выданный мне компанией.

Я снова и снова просматривала дизайнерские проекты Sparkle, представленные на конкурс. Они выглядели... симпатичными. Я была уверена, что они обладали качествами, которые я до конца не смогла оценить, но в то же время, на мой неискушенный взгляд, они казались какими-то... скучными. Я признавала, что стиль украшений, подходящих для королевской семьи, должен быть консервативным. Диадема, созданная родителями Декстера, установила планку для нового, но вполне классического стиля, элегантного и в то же время неподвластного времени, такого, который никогда не выйдет из моды. Разработанные Sparkle части свадебного комплекта относились в большей степени к классическому стилю, и я никак не могла найти в них хоть что-то необычное. У меня самой возникло несколько идей, и я хотела проверить, получится ли использовать новейший компьютер компании для воплощения своей задумки в жизнь, вместо того чтобы полагаться на свой надежный, но старенький ноутбук.

Чем дольше я сидела за столом, тем больше сообщений об ошибках мне приходило. Я так разозлилась, что готова была разнести весь этот чертов компьютер на куски.

Поэтому, когда зазвонил мой смартфон, я чуть не выпрыгнула из платья.

Положив мобильник на стопку канцелярских принадлежностей, я скользнула пальцем по значку «Принять звонок».

– Эй, ты сделала это, сестренка, – сказала Отэм, улыбаясь мне с экрана.

– Мне всего лишь нужно было пошевелить пальцем, Отэм. Это не так уж трудно. Хотела бы я сказать то же самое об этой компьютерной программе. Она такая навороченная!

Мне нужно было детально разобраться в программном обеспечении, которым пользовались все известные ювелирные дома. Упоминание этих навыков в моем резюме серьезно помогло найти работу.

– Ты же у нас умница. Разберешься и с этим.

Да уж, легче сказать, чем сделать. Несмотря на работу на фабрике по производству полупроводников, я не была сильна в новейших технологиях. Готовясь к стажировке, я целый год проработала со старым ноутбуком сестры, так что, по крайней мере, знала самые основы пользования разными программами. Наверное, мне следовало купить смартфон еще до приезда в Лондон, но это очень дорого. Я не могла себе такого позволить, ведь нужно было оплачивать немало счетов.

– Кстати, об умницах, – сказала я, – как там твои занятия? Тебе осталось учиться совсем недолго, так что тебе надо...

– Знаю, знаю! Выучиться, как следует поработать, чтобы уехать из этого городка. Ты говоришь мне одно и то же с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. Я настроена не менее серьезно, чем ты.

Слышать о том, что Отэм двигается по правильному пути, было почти так же приятно, как получить стажировку в Sparkle. Мысль о том, что моя сестра предназначена для чего-то большего, чем убогое прозябание в трейлер-парке «Саншайн», согревала и поддерживала меня, когда я работала в две смены на фабрике, чтобы оплатить ее обучение в колледже. Сколько себя помню, я была уверена, что мы с ней ни за что не останемся там, где мы несчастливы только потому, что там родились. Отэм была умна – настолько умна, что получила стипендию на половину оплаты своего обучения и на большую часть учебников.

Несколько месяцев мне приходилось выкручиваться – работать сверхурочно, молиться о продаже ожерелий в моем онлайн-магазине, даже делать весеннюю уборку дома для миссис Догерти, живущей по соседству. Но этим летом Отэм заканчивала колледж, и мне казалось, что я тоже вместе с ней завершаю учебу. С тех пор как мне исполнилось четыре года и моя мама привезла Отэм домой из больницы – существо, состоявшее, казалось, из одних только тонких ручек-ножек и больших круглых глаз, – я поклялась заботиться о ней. Ее диплом должен стать подтверждением того, что я выполнила все, что хотела. И теперь мне нужно было убедить ее покинуть «Саншайн», чтобы она смогла реализовать весь свой удивительный потенциал. Она непременно совершит в жизни что-нибудь впечатляющее, если только отъезду из убогого местечка, в котором она жила, не помешает ее парень.

– Что там Грэг? – спросила я, вспомнив о нем.

Отэм рассмеялась в ответ:

– Знаешь, я прямо вижу твои стиснутые челюсти, когда ты спрашиваешь, потому что ты у меня на экране.

Я закатила глаза.

– Ну, я ведь просто пытаюсь тебя поддержать.

– Ничего подобного. Ты просто надеялась, что я скажу тебе, что он попал под машину своего отца.

– Не говори глупости, я не чудовище и не желаю ему смерти. Я хочу лишь, чтобы он...

– Держался от меня подальше.

Я не могла ее обманывать. Я бы очень сильно обрадовалась, если бы Грэг исчез из ее жизни. Не потому, что он плохой парень – вовсе нет. Но я могла поклясться, что он собирается провести всю жизнь в сотне ярдов от своего нынешнего дома – трейлер-парка «Саншайн», – которым управлял не кто иной, как его отец. Я хотела чего-нибудь лучшего для Отэм. И боялась, что она

забеременеет или объявит, что они с Грэгом решили пожениться или что-то в этом роде. Ей почти двадцать два, и я хотела для нее лучшей участи. Или, по крайней мере, чтобы у нее оставался выбор. Если бы она устроилась на работу в Портленде, Нью-Йорке или где-нибудь еще и, поработав там, решила, что ей действительно лучше в трейлер-парке, это другое дело. Но оставаться там только потому, что нет иного выбора? Нет, я не смогла бы жить с этим.

– Не переживай, – сказала Отэм. – Просто Грэг делает все, что я ему говорю, и это меня устраивает. Не то чтобы это была большая любовь.

– А как поживают мама и папа? – спросила я. Конечно, мне хотелось сменить тему, но это было все равно что бросаться из огня да в полымя.

– Вообще-то хорошо.

– Они уже просили у тебя денег?

– Вчера я дала маме двадцатку, но это не так уж важно.

Я тяжело вздохнула. Уезжая, я умоляла маму не кланчить у Отэм денег.

– Нет, в самом деле, в этом нет ничего такого. И она показалась мне вполне нормальной, когда говорила, что собирается устроиться на работу в лавку «У Боба».

– Правда? – Я даже усомнилась, правильно ли ее расслышала. Я едва ли могла вспомнить, когда моя мама последний раз интересовалась работой. Иногда ей что-то предлагали через подруг, но она нигде не продержалась дольше недели – либо слишком распускала язык, либо теряла что-нибудь важное. Я уже давно покрывала их арендную плату и то и дело подбрасывала деньжат. Просто не хотела, чтобы все это легло на Отэм. Это уж совсем несправедливо.

– Да. Там, кажется, работает ее подруга или кто-то знакомый. Посмотрим, как долго это продлится.

– А что папа? – Я уехала всего неделю назад, но раз мама вдруг начала искать работу, возможно, папа решил заняться укрощением львов. Очевидно, чудеса

еще возможны.

– Понятия не имею. Мама говорит, что у него простуда.

Что ж, пожалуй, я слишком поторопилась с предположениями. Мой отец почти одиннадцать месяцев в году лежал в постели с простудой. Так он мог бесконечно смотреть телевизор и ничего не делать, в том числе не убирать за собой.

– Ладно, довольно о скучном старом Орегоне, – с напускным оживлением сказала Отэм. – Расскажи лучше о прошлом вечере. Как тебе платье? Удалось примерить какие-нибудь украшения?

– Ну, ты знаешь, – я драматично вздохнула, – это еще один из вечеров, когда можно пить шампанское и общаться с красивыми людьми. – Я усмехнулась. – И мне не удалось примерить украшения, что хорошо, потому что мне вряд ли захотелось бы их снимать.

– Ты кажешься счастливой, – заметила сестра. – Держу пари, что и выглядела ты прекрасно.

– Ну, меня, по крайней мере, не выгнали из-за того, что мое платье было недостаточно дорогим, хотя в какой-то момент мне показалось, что это вполне возможно. Мне даже удалось выпить шампанского. – Конечно, это было не совсем правдой. Я лишь пару раз пригубила его, но потом каждый раз забывала, куда ставила свой бокал. Драгоценности поглотили все мое внимание.

– Ты была рождена, чтобы пить шампанское, – патетично воскликнула Отэм. – Я рада, что у тебя там не просто работа, работа, работа без конца. Я знаю, какая ты. Я знаю, что ты приехала для того, чтобы учиться, но постарайся также немного и повеселиться.

– На самом деле меня даже пригласили на свидание, – сказала я и тут же пожалела.

Отэм придвинулась ближе к экрану.

– Расскажи мне все. Он англичанин?

Не просто англичанин. Любой человек из ювелирной отрасли знал Декстера Дэниелса. Я все еще с подозрением относилась к тому, что он обратил внимание именно на меня.

– Конечно, англичанин.

– Скажи, пожалуйста, что ты ответила ему «да».

– Я взяла его номер телефона.

Отэм громко застонала.

– Я полагаю, это все-таки немного лучше, чем прямое «нет».

Если не считать того, что я вовсе не собиралась воспользоваться этим номером. Так что едва ли это лучше.

– Тебе нужно хорошенько повеселиться, – сказала Отэм. – Ты можешь усердно работать, а потом пойти и выпить с кем-нибудь из новых знакомых.

Это, конечно, звучало весьма заманчиво. Декстер очень мил. И хотя он не мог быть настолько красивым, каким его рисовало мое воображение, он, несомненно, был бесподобен. И сумел отвлечь меня от заикленности на работе, из-за чего я упустила возможность вернуться домой на автобусе. Одному Богу известно, на что способен этот человек во время нашего свидания... если бы оно состоялось, конечно.

– Тебе не стоит переживать за меня. Я в Лондоне. И получаю здесь больше удовольствия, чем ты себе представляешь.

По сравнению с нашей жизнью в Орегоне прошедшая неделя стала настоящим калейдоскопом новых, захватывающих впечатлений.

Глава 6

Холли

Да пошло оно все к черту!

Я убедила себя, что он не может быть таким красивым, как мне представлялось, но, сидя в дальнем конце гигантского зала и глядя на Декстера Дэниелса, ясно поняла, что, видимо, сошла с ума. И дело не только в том, как он выглядел. Главное, как он держался. Так, словно он был солнцем, и мы все вращались вокруг него, не в силах противиться его притяжению. Он был так уверен в себе и в то же время расслаблен, словно ничто на свете не могло его смутить. Интересно, что произойдет, если я подойду к нему сзади и пощечу его?

Он, наверное, уже забыл о моем существовании и переключился на Джиджи или Беллу. Или какую-нибудь другую высокую длинноногую супермодель, у которой объем одной груди не был на полстакана больше другой. Я посмотрела вниз на свою грудь. Отэм клялась, что это незаметно, но она также уверяла меня, что я лучший дизайнер ювелирных изделий в мире, так что ее мнению доверять было нельзя.

Никаких сомнений и быть не могло – он просто великолепен, один из тех мужчин, которые нравятся любой девушке. Существует ли на свете абсолютная красота? Он надел синий костюм – не слишком темный, – и этот цвет подчеркивал сияющую черноту его волос. Голос у него глубокий, с легкой хрипотцой. Его мужественность подчеркивала легкая тень щетины на щеках, появившаяся в конце дня. У него были сильные, умелые руки. В нашем трейлер-парке едва ли встречались люди, подобные Декстеру, да и, возможно, во всем Орегоне.

Внезапно все начали аплодировать, и в мгновение ока официанты убрали стоящие перед нами тарелки с закусками.

За нашим столиком сидела вся участвующая в конкурсе команда Sparkle, состоящая из восьми человек. У большинства других ювелирных домов также были собственные столы, а у некоторых даже по два. Мы все повернулись, чтобы видеть двух людей, подошедших к кафедре в дальнем конце зала.

Я бросила быстрый взгляд на Декстера, просто чтобы убедиться, привлекло ли его внимание это действие, и обнаружила, что он смотрит прямо на меня. Уголки его рта немного дрогнули, когда мы встретились взглядами, как будто ему только что рассказали скабрёзную шутку в доме его бабушки. Я быстро отвела глаза.

Я едва удержалась от того, чтобы закрыть пылающее лицо ладонями, понимая, что это движение выдаст ему мое смущение. Я притворилась, что поглощена происходящим за кафедрой. Пока одна из женщин что-то говорила, я постаралась сосредоточиться на ней. Потом я даже достала записную книжку и начала делать заметки, просто чтобы следить за тем, что слышу, однако, если честно, смысла в ее словах было не очень много. Что-то насчет того, что ей выпала честь принимать участников конкурса. И что здесь в одном зале собрались лучшие из лучших и с нетерпением ждут возможности представить свои проекты. Затем на сцену вышел высокий, стройный парень с копной белокурых волос. Я пропустила, когда его представляли, но выглядел он как парень с плаката (который я видела в аэропорту), приглашавший всех посетить Финляндию. Когда он заговорил о своих матери и сестре, которая скоро выйдет замуж, до меня дошло, что речь шла о... королевской семье. Здесь присутствовали члены настоящей королевской семьи, а я чуть все не пропустила из-за этого чертового Декстера Дэниелса. Мы лишь разок с ним поговорили, и вот я уже упускаю жизненно важную для меня информацию, а все потому, что он отвлекает на себя все мое внимание.

Ладно же. Я преисполнилась решимости ни за что не смотреть в его сторону. И больше не думать о его резко очерченном подбородке, этих голубых глазах и больших сильных руках, которые так восхитительно лежали на моей талии в тот вечер... Нет, нет и нет.

Я яростно строчила в блокноте всю оставшуюся часть презентации, сосредоточившись на том, что говорил принц. А он вдохновенно рассказывал о Финляндии, о ее природе, а также о том, как благотворительные цели, поставленные в рамках этого конкурса, важны для всей его семьи.

Когда он сошел с подиума, все поднялись со своих мест и аплодировали ему стоя.

Пока я воодушевленно отбивала вместе со всеми ладони, кто-то слегка похлопал меня по плечу. Я обернулась и оказалась лицом к лицу с Декстером.

Да уж, слишком поздно притворяться, что его не существует.

– Холли, – сказал он. – Рад снова вас видеть.

– Привет, – отвечала я так беззаботно, как только смогла. – Отличная речь, верно?

– Да, весьма вдохновляюще. – Он ухмыльнулся, словно я сказала что-то смешное.

Я быстро огляделась, проверяя, не заметил ли кто-нибудь из Sparkle, что я общаюсь с конкурентами, однако все были заняты разговорами, и никто не обращал на меня никакого внимания. Я снова повернулась к нему и уперлась взглядом ему в кадык, словно боялась, что если встречу с ним глазами, то превращусь в каменное изваяние – или, скорее всего, в кисель.

– Ну да, я и не позвонила, – сказала я, чувствуя себя неловко из-за того, что он стоял так близко, и немного нелепо, так как боялась поднять на него взгляд.

– Я подумал, что вы, должно быть, потеряли мою визитку, – сказал он.

Я едва удержалась от того, чтобы фыркнуть, раздраженная его высокомерием, и, наконец, посмотрела ему прямо в глаза. И с чего я взяла, что у этого парня достаточно власти, чтобы превратить меня в кисель? Ну уж нет. Он переоценивал себя, как и большинство мужчин, и я не собиралась потакать его самолюбию.

– Нет. Возможно, в это трудно поверить, но в мире еще существуют женщины, которые на самом деле не хотят встречаться с вами.

Он молчал несколько мгновений, все так же продолжая улыбаться.

– Я могу вспомнить множество женщин, которые подошли бы под это описание. Но к вам это едва ли относится.

Нет, это просто невероятно! Он не шутит? Я отказалась дать ему свой номер, черт возьми. И сама ему не позвонила. И сказала, что не хочу с ним встречаться.

Так с чего он решил, что я соглашусь поужинать с ним?

– Видимо, вы так думаете оттого, что я все это время продолжала вам названивать и писать послания, – заметила я, скрестив руки на груди.

Он хмыкнул, и мой внутренний голос настойчиво посоветовал мне повернуться и уйти. От этого парня так и веяло неприятностями. Не потому, что он самоуверен, а потому, что прав. Я действительно хотела поужинать с ним. И мне очень не понравилось, что он об этом догадался.

– Нет. Не поэтому, – ответил он.

– А, так, значит, из-за того, что я отправила вам посылку со своими трусиками?

– О, так они были от вас? – спросил он, и на этот раз я все-таки фыркнула, с трудом сдержав улыбку. – Я не совсем понял, почему вы мне так и не позвонили, но знаю, что вовсе не потому, что не хотите поужинать со мной.

– Если честно, я и сама не знаю, – ответила я. У меня внутри вдруг все похолодело при мысли о том, что он поймает меня на слове и найдет какую-нибудь другую женщину, чтобы пригласить ее на ужин.

Мне вдруг очень захотелось быть этой женщиной.

– Я не нахожу вас привлекательным. Мне вообще не нравятся британские парни.

Он кивнул, внимательно глядя на меня, будто тщательно обдумывал мои слова.

– Дайте мне, пожалуйста, свой телефон.

Я вытащила новенький мобильник, предоставленный мне фирмой. Клянусь, у меня до этого никогда не было такой дорогой вещи. Я могла поспорить, что Декстер просто собирается проверить, записала ли я его номер, желая удостовериться, что я на самом деле хотела пойти с ним на свидание.

– Возьмите, – сказала я, набирая пароль.

Он прокрутил мои четыре контакта, и я ждала, когда он с разочарованием вернет его обратно, убедившись, что его нет в списке. Его телефон зазвонил, но он проигнорировал звонок, а затем вернул мне мой телефон со словами:

– Вот, держите. Теперь у меня есть ваш номер, а мой сохранен в памяти вашего телефона. Таким образом я все-таки попытаюсь убедить вас поужинать со мной.

Ну что ж, чего у него точно не было, так это недостатка в уверенности.

– Вы что-нибудь слышали о движении MeToo? – спросила я. – Надеюсь, вы понимаете, что «нет» – это именно «нет».

Он слегка отстранился от меня и, продолжая удерживать мой пристальный взгляд, моргнул. Затем еще раз.

– Холли, харассмент – это не шутки. Если вы чувствуете себя неловко из-за моего приглашения, скажите мне сейчас, и я сразу же удалю ваш номер и уйду. Но если мы просто флиртуем и шутим, и вас, по какой-то причине, просто немного пугает или смущает перспектива поужинать со мной, и вы нуждаетесь в том, чтобы я вас немного поговаривал, тогда другое дело.

Голова у меня гудела, щеки пылали: нужно бежать от него как от огня. У Декстера были ответы на все вопросы, и, казалось, он понимал меня с полуслова. А значит, у меня еще больше причин бежать отсюда сломя голову. Я продолжала твердить себе, что просто не хочу тратить свое драгоценное время в Лондоне на какого-то парня, но, честно говоря, у меня возникло неприятное чувство, что Декстер – не просто «какой-то парень».

– Придется очень долго уговаривать, – поправила я его. Проклятье! Я вовсе не собиралась демонстрировать, что ему удалось пробить брешь в моей броне. Я всего лишь хотела сказать ему, что он меня абсолютно не интересует и я не хочу, чтобы он мне вообще звонил и уговаривал.

Но то, как он смотрел на меня, будто хотел раскрыть все мои секреты и поведать свои... То, как мягко, но надежно он поддерживал меня, когда помогал выйти из машины – словно мог защитить меня от чего угодно... То, как произносил мое имя, будто никогда не слышал ничего более экзотического... Все это, вместе взятое, не могло оставить меня равнодушной, как бы мне этого ни хотелось. И

несмотря на то что разум говорил мне бежать прочь, глухой стук в груди и пульсирующая боль где-то далеко внутри заглушили его голос. Нравилось мне это или нет, но я безумно хотела, чтобы Декстер убедил меня пойти с ним поужинать.

– Вызов принят, – сказал он, прежде чем повернуться и исчезнуть в толпе.

Глава 7

Декстер

Холли Лумен. Она наконец сдалась и сообщила мне свое имя. На это у меня ушло два дня и бог знает сколько сообщений. Действительно, завоевать ее доверие оказалось сложной задачей.

– Ты что, подсел на компьютерные игры? – спросил меня Бек, когда я поставил перед ним его минеральную воду.

– Ты о чем? – спросил я, положил телефон на стол и отправился в бар за своим виски.

– Ты раз девяносто посмотрел на телефон с тех пор, как мы с тобой поздоровались три минуты назад, – объяснил он, а я вытащил стул из-за стола и уселся. Так уж получалось, что мы с Беком почти всегда первыми приходили на наши еженедельные вечерние посиделки с друзьями. Это давало нам возможность обмениваться новостями до прибытия остальных членов банды.

– Тебе показалось. – Я действительно не расставался с телефоном последние несколько дней, ведь Холли такая забавная, и я с нетерпением ждал ее посланий.

– Нет, я не ошибаюсь. У тебя все в порядке с работой?

– Все прекрасно. Как поживает Стелла? – Я знал, что упоминание любви всей его жизни отвлечет Бека от обсуждения моей одержимости телефоном, которой у

меня на самом деле, конечно же, не было.

– Ну, ты знаешь... она каждый день взрывает мне мозг.

– Когда ты так говоришь, то сами собой напрашиваются шуточки на тему орального секса. Ты же знаешь, у меня не задержится.

– Тебе что, пятнадцать лет? Или ты превращаешься в сексуально озабоченного Тристана?

– Просто ты так смешно выразился, и ассоциация напрашивается сама собой.

Он, конечно, сам подставился под подобные шуточки, но мы оба знали, что Стелла – это лучшее, что когда-либо могло произойти с Беком. Я был очень рад за него. Ведь я знал, что значит найти свою истинную любовь. Со мной такое когда-то случилось. Но Бек удачливее меня. Он сумел сохранить отношения, и теперь эта парочка будет жить долго и счастливо вместе.

– И тебе нужна женщина, которая взорвет тебе мозг, – сказал Бек. – В этом вся твоя проблема. Ты всегда думаешь о сексе, а ведь чтобы построить отношения, нужно нечто большее.

– Прости, в тебя вселилась душа моей матери, что ли? – С тех самых пор, как Бек разобрался в своих отношениях со Стеллой, он стал самым горячим в мире сторонником серьезных отношений, и я с этим смирился. Но он должен понять – я не стремлюсь найти миссис Дэниелс. Поезд ушел.

– А ты что, обсуждал вопросы секса со своей матерью? Ты же знаешь, я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

Вот почему я не мог долго злиться на Бека. Все, что он хотел – это чтобы мы, его друзья, стали так же счастливы, как и он сам. А судя по широкой улыбке, он и правда был чертовски счастлив.

– Что же тогда с тобой происходит? – спросил он. – Ты нервничаешь по поводу конкурса?

– Вовсе нет. Причина не в этом, – ответил я. Мне же нечего скрывать. Может, если бросить ему кость, он от меня отстанет? – Я просто переписываюсь с женщиной, которую хочу пригласить на ужин. Она очень милая и забавная. И хорошенькая к тому же. – Я не смог сдержать улыбки, как десятилетний мальчик, которому подарили абонемент на все матчи «Манчестер Юнайтед» сезона.

– Вот это новости. Ты никогда не говорил с нами о женщинах.

– А я и не говорю... Я просто пытаюсь объяснить...

– Да я и не возражаю. А кто она такая? Ты нас с ней познакомишь? Надо срочно рассказать об этом Стелле.

Он схватил телефон со стола, но до того, как ему удалось посплетничать насчет меня со Стеллой, я выхватил его из руки Бека.

– Размечтался. Тебя это вообще не касается, и я не собираюсь вас с ней знакомить. У нас с ней даже еще свидания не было.

– Что значит, у вас не было свидания? Ты до такой степени лишился яиц, что не решился ее пригласить?

– Когда я лишусь яиц, я сообщу об этом в Times.

– Тогда почему свидание так и не состоялось?

Хороший вопрос. Между нами с Холли, несомненно, возникла химия. И обычно у меня не случалось никаких проблем с тем, чтобы пригласить женщину на ужин. Но Холли по какой-то неведомой причине боялась согласиться встретиться со мной. Это интриговало меня еще больше, заставляя гадать, что скрывается под ее красотой и почему она так меня боится. Я все больше желал заставить Холли принять приглашение на ужин.

– Не знаю.

– Значит, ты уже пытался пригласить ее?

– Да. И она ответила отказом, но, правда, при этом призналось, что ей этого хотелось. Мы с ней постоянно обмениваемся сообщениями.

Я подумывал о том, чтобы позвонить ей, но мне не хотелось спугнуть ее. Я не мог рассказать об этом Беку, потому что Бек спросил бы меня, почему я так к ней отношусь, а ответа у меня не было. Я бы даже не смог ответить, почему я бесконечно смотрю на экран телефона в ожидании ее ответа. Я бы даже не смог объяснить, почему у меня так екало сердце каждый раз, когда сообщение наконец приходило.

– Охотничий азарт, – сказал он. – Со мной такого никогда не было, но...

– И вовсе не в этом дело. – Я никогда не пытался завоевать женщину просто из спортивного интереса. – Это, скорее, можно сказать о Тристане, а не обо мне.

Бек кивнул, но по его тщательно сдерживаемым движениям и мимике я понимал, что ему безумно хочется узнать больше.

– Даже не знаю, что со мной происходит, – сказал я. – Она из Америки. И...

Мне приходилось встречаться с американками, так что Холли мне нравилась вовсе не из новизны. И даже не из-за того, что она умудрялась быть одновременно по-детски наивной и дьявольски осмотрительной, даже подозрительной. Она была достаточно прямой и откровенной, чтобы отказаться дать мне свой номер телефона и попросить вместо этого мою визитную карточку, и в то же время сдержанной, так и не объяснив мне, почему не хочет поужинать со мной.

– Может, все дело в твоём мазохизме, пусть и не ярко выраженном, – сказал Бек, выловив из своего стакана с минералкой дольку цитруса и положив ее на блюдечко. – Чертов лимон.

– Я люблю непринужденную жизнь. Вот почему я обычно заканчиваю отношения, когда в них появляется напряжение. Так что мазохизм – это не про меня.

– В общем, получается полная хрень. Я не позволю тебе в этом увязнуть, приятель.

– Что? – возмущенно произнес я. – Вообще-то я люблю женщин. Я люблю заниматься с ними сексом, даже дружить, но уж никак не страдать из-за них. Поверь, уж чем-чем, а мазохизмом я не страдаю ни в психологическом, ни в эмоциональном плане.

Между нами повисло молчание. Обычно Бек не сдерживался и прямо говорил мне все, что думает. Это касалось всех нас, шестерых друзей. Учитывая испытания, которые мы преодолели в детстве, все наши встречи были отмечены теплотой и доверием, и мы старались оставаться предельно откровенными, ничего не скрывая друг от друга.

– Ты что, не согласен? – спросил я его.

– А как же Бриджет? – произнес он.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе ведь нравится страдать из-за нее.

– Я просто не перестаю винить себя в нашем разрыве. Это точно не мазохизм. – Когда мы расстались, я был еще очень молод, но это не оправдание.

– Я вовсе в этом не уверен. Думаю, что ваше расставание превратилось для тебя в некий миф, которым ты упиваешься.

– О чем ты, черт возьми, говоришь? Что было, то прошло. Мы с ней были вместе. Любили друг друга и были счастливы. Я все испортил, порвав с ней отношения из-за какой-то глупой размолвки. Когда я наконец соизволил вытащить голову из задницы и попытался все исправить, поезд уже ушел – она начала новую жизнь. Так что я просто полный идиот, и мазохизм тут ни при чем, это факт.

– Ну, я вижу все это несколько по-другому.

Мне нравился Бек, я его нежно любил. Не просто как брата, а как друга, которому можно безоговорочно доверять. Однако, надо признать, в тот вечер он меня просто бесил. Я взглянул на экран телефона, чтобы уточнить время. Черт, где же остальные?

В этот самый момент к нам подошел Гэбриэл.

– Богом клянусь, если бы я был голубым, то обязательно залип бы на Гэбриэла, – пошутил я, наблюдая, как он стремительной походкой приближается к нашему столу.

– Ты что, решил устроить каминг-аут на нашей вечеринке? – спросил Бек.

– Ты правда голубой, что ли? – спросил Гэбриэл, невозмутимо глядя на меня.

– Нет, но если бы был, то ты вполне в моем вкусе.

Гэбриэл закатил глаза и вытащил свою пинту пива из стоящих в центре стола напитков.

– Счастлив это слышать.

– Он просто пытается отвлечь нас от щекотливой темы, потому что я сейчас высказал ему всю правду в глаза.

– Как интересно, – сказал Гэбриэл, садясь рядом с Бекон. – Ну-ка, продолжай.

– Все совсем не так. Ты лишь изложил свою дурацкую теорию насчет того, что я страдаю мазохизмом.

Взгляд Гэбриэла метался между нами, словно теннисный мячик во время матча в Уимблдоне.

– Конечно, и все из-за твоих страданий по поводу Бриджет, – сказал Бек так, словно это все объясняло.

– Все ясно, – произнес Гэбриэл, сразу ухватив суть разговора.

– Что значит ясно? Бек несет ерунду, разве не так?

– Послушай, приятель, я только что пришел. Можете продолжать играть в свои детские игры, а я, пожалуй, буду наслаждаться своим пивом и подожду, когда подойдут вменяемые люди.

– Смотри, не получи занозу в заднице, сидя на заборе, – ответил я. – Бек говорит, что я продолжаю терзаться из-за Бриджет, а я утверждаю, что это вовсе не говорит о том, что я страдаю мазохизмом.

– Возможно, это и не мазохизм как таковой, – продолжал Гэбриэл, бросая на Бека взгляд, явно призывающий его не драматизировать ситуацию. – Однако я удивляюсь, что ты, по-видимому, махнул на себя рукой и считаешь, что никогда не сможешь найти счастье, потому что не смог сохранить отношения с девушкой, когда тебе было всего-то девятнадцать лет.

Мне потребовались немалые усилия, чтобы не уйти немедленно. Неужели он говорит всерьез? Эти ребята знали меня как облупленного – по крайней мере, я так думал. Получается, это вовсе не так? Но я-то их прекрасно знал. Понимал их ход мыслей, сильные и слабые стороны, но, оказывается, они меня не одобряли. Потому что я не страдал из-за Бриджет. На самом деле я вовсе не был сломлен и не испытывал горечи из-за того, что случилось в юности. Я просто понимал, что сам разрушил свое счастье и больше никогда не смогу полюбить.

– Наши отношения были особенными, дважды такое в жизни не случается. И я смирился с этой мыслью. Так что никаких страданий, никакой драмы.

Гэбриэл хмыкнул:

– Да уж, никакой драмы. – Он театрально прижал ладонь ко лбу. – «Я никогда больше никого не полюблю. Такие чувства случаются лишь раз в жизни».

Бек последовал его примеру:

– «Она для меня единственная женщина в мире». Боже, дружище, ну ты как ребенок. Пора уже это преодолеть.

Жесть.

Меня придавило к спинке стула, как при перегрузке во время космического полета. Честно говоря, я считал, что не драматизирую отношения с Бриджет. И тем более не клялся никогда не общаться с женщинами. Последние десять лет я редко бывал один.

Я поднял голову и увидел только что подошедшего Тристана, с недоумением осматривающего молчаливо сидящих за столом друзей.

– Я что-то пропустил? – спросил он.

– Мы тут троллим Декстера, – объяснил Бек.

– Думаю, с этой темой пора заканчивать, – сказал Гэбриэл, искоса поглядывая на меня. – Если ты хочешь продолжать мучить себя, это твое личное дело. Нам, в общем-то, до фонаря.

– Значит, вы все считаете, что я драматизирую историю с Бриджет? Да я о ней почти не упоминаю...

– Ты опять заговорил о Бриджет? – спросил Тристан, опускаясь на стул. Гэбриэл подтолкнул к нему пол-литровую кружку пива.

– Ты опять представляешь все так, что я страдаю и только о ней и говорю...

– Нет, ты о ней не говоришь, – согласился Гэбриэл, и я благодарно ему кивнул. – Просто твои отношения со всеми женщинами, с которыми ты встречаешься, лишь следствие твоих отношений с Бриджет. И это продолжается до сих пор.

– Хорошо сказано, – произнес Бек. – Это действительно всего лишь следствие.

– Ты хочешь сказать, что я никогда не встречу женщину, с которой смогу выстроить длительные отношения, которую смогу полюбить и о которой буду заботиться, и все это только из-за Бриджет? – Что ж, надо признать, это верно. – Я не жалею на жизнь. И сердце мое не разбито. – Я вполне готов признать, что был полным идиотом, но не собирался признавать, что страдаю из-за утраченной любви.

– Это вовсе не значит, что ты покончил с прошлым, – заметил Бек.

– Ты не прав, – поправил его Гэбриэл. – Покончить с прошлым – не решение проблемы. Тебе нужно преодолеть стереотипы в отношениях.

Я был уверен, что особой разницы в этих формулировках нет. Все, с меня достаточно. В конце концов, я пришел сюда расслабиться и оттянуться с друзьями. А вовсе не для того, чтобы терпеть подобные наезды.

И тут зажатый в моей руке телефон тренькнул. Я быстро прочитал сообщение:

Хорошо, я согласна с вами поужинать. Но только в том случае, если это будет фондю. И вы не должны отвлекать меня во время мероприятий, связанных с конкурсом. Если мы наткнемся там друг на друга, давайте сделаем вид, что мы не знакомы. Договорились?

Наконец-то она ответила. И хотя я пока не понимал ее намерений и выдвигаемых ею условий, меня это не волновало. Сейчас мне особенно понадобится отвлечься от горестных размышлений о том, почему я все еще одержим Бриджет.

– А я вам говорил, что на торжестве по поводу открытия конкурса присутствовал Дэвид? – произнес я в отчаянной попытке отвлечь друзей от дальнейшей дискуссии по поводу моих отношений с Бриджет.

– Какой еще Дэвид? – спросил Тристан. Я давно уже не упоминал имени брата в разговорах, поэтому друг удивился вполне искренне.

– Ты имеешь в виду своего брата? – догадался Гэбриэл.

– Разумеется, – ответил я. Когда я увидел имя брата в списке гостей, то разозлился сверх всякой меры. – Я полагаю, он по-прежнему заодно со Sparkle. Даже пятнадцать лет спустя они все еще пытаются делать деньги, перевыпуская с незначительными изменениями украшения, разработанные моей матерью. Видимо, им есть за что благодарить моего брата.

Может быть, он получил какие-нибудь акции этой компании, когда продал бизнес моих родителей? Значит, мы с ним теперь конкуренты?

– Sparkle? Думаешь, он получил от них деньги? – спросил Бек.

– Меня бы это не удивило. У него моральные принципы на уровне бродячей кошки.

А иначе зачем ему присутствовать на этом мероприятии? Я изучил всю информацию о нем. Дэвид все еще работает в банке, и нет никаких признаков того, что он как-то задействован в ювелирной отрасли.

– Боже, как низко с его стороны, – отметил Бек.

– Он к тому же еще и мошенник, – сказал Гэбриэл, который в любой ситуации оставался юристом. – Такой вариант не исключен. Ему вполне могли предложить вознаграждение за то, что он продал ваш бизнес Sparkle, а он при этом ничего не сообщил тебе.

– Он действительно не поставил меня в известность, – напомнил я Гэбриэлу. Я никак не мог повлиять на то, как он распорядился бизнесом моих родителей. Все решения принимал Дэвид, который воспользовался ситуацией и предал меня.

Решив участвовать в конкурсе, я твердо нацелился на победу. Я хотел продолжить дело родителей, сохранить их наследие, изготовив свадебные украшения для следующего поколения королевской семьи. Но одной только победы мне недостаточно.

Я собирался взорвать этот чертов конкурс, доказав, что я – лучший.

Глава 8

Холли

Раньше меня нисколько не волновало, что я надену на свидание. Сегодня все было по-другому, и не только потому, что я собиралась на свидание с самым красивым мужчиной, которого когда-либо встречала, но еще и потому, что мы были в Лондоне. Публика здесь весьма искушенная. Люди ходят в театры, говорят на множестве языков и читают книги, о которых я никогда даже и не слышала. Как только я появлюсь в своих любимых узких джинсах и синей рубашке, которая выглядела как из натурального шелка, хотя на сто процентов состояла из вискозы, всем тут же станет ясно, что я – простая девчонка, живущая в трейлер-парке. На самом деле меня выдал бы не мой наряд – рубашка действительно выглядела шелковой, да и, как мне показалось, в Лондоне в меньшей степени, чем в Орегоне, придерживались правил о том, что можно или нельзя носить. Но я никогда не училась в колледже, моей любимой книгой была «Состоятельная женщина» Барбары Брэдфорд[3 - Увлекательный роман о девушке из бедной семьи, которая становится главой фантастически богатой корпорации благодаря неукротимой жизненной силе. – Прим. ред.], а единственным языком, на котором я говорила, был американский английский.

Я нервно потеряла свой кулон, пытаюсь набраться смелости и войти, наконец, в Urban Alpine, ресторан, информацию о котором Декстер мне вчера прислал.

Он предложил заехать за мной, но я сказала, что встречу его прямо там. Теперь я топталась на ступеньке, жалея, что отказалась от предложения. По крайней мере, у меня не было бы шанса струсить в последнюю минуту.

И дело было не в том, что я нервничала. Вовсе нет, скорее, я просто чувствовала себя не в своей тарелке. У меня было немного опыта в свиданиях, но в любом случае все вышло бы намного проще, если бы мне не хотелось раздеть парня прямо на публике и любоваться его великолепным – я была в этом уверена – торсом и кубиками твердого пресса. И, конечно, гораздо, гораздо проще, если бы он не вызывал у меня желания громко хохотать над его словами, даже если он просто присылал мне сообщения. Он был непоколебимо уверен в том, что я в конце концов соглашусь на этот ужин, причем его, похоже, вообще не беспокоило, что я заставила его уговаривать меня и ждать согласия так долго... Это вообще жутко раздражало потому еще, что он был чертовски привлекательным, а проводить время с привлекательным мужчиной не входило в мой список лондонских дел. Список у меня очень длинный.

– В этом нет ничего особенного, – сказала я вслух самой себе.

Я взялась за дверную ручку и дернула с такой силой, что та врезалась в стену, и несколько посетителей за ближайшими к двери столиками повернулись, чтобы посмотреть на сумасшедшую, которая, очевидно, не умела соизмерять свои силы.

Я поморщилась.

– Извините, – пробормотала я. И сразу же поймала взгляд Декстера. Он широко улыбался мне, сидя за столиком в дальнем левом углу зала.

Я не могла не улыбнуться в ответ, несмотря на то что он, вероятно, всего лишь смеялся над моим нелепым появлением.

Я неловко улыбнулась женщине-администратору и кивком указала на Декстера. Она предложила мне пройти к столику.

Декстер поднялся мне навстречу и немного подался вперед, чтобы расцеловать меня в обе щеки. Я начинала привыкать к такому приветствию, и по чистой случайности мне удалось не превратить это в поцелуй в губы.

– Итак, – сказала я. – Фондю-вечеринка.

– Наконец-то фондю-вечеринка, – ответил он. – Ты прекрасно выглядишь.

– Ты тоже, – ответила я. Может быть, странно говорить такое парню, но это была чистая правда. Он выглядел просто потрясающе. Даже поза, в которой он сидел – величественная и в то же время расслабленная, как будто он был королем Лондона и все здесь принадлежало ему, – заставляла мое сердце учащенно биться.

Он усмехнулся:

– Что ж, отлично.

Мы заняли свои места на диванчике в угловой кабинке, он с одной стороны угла, я с другой, и наши колени почти соприкоснулись.

– Итак, что здесь хорошего? – спросила я, беря меню.

– Я слышал, что сыр здесь просто потрясающий.

Я рассмеялась:

– Если это не так, то я сразу уйду. Я всецело за сыр.

– Не сомневаюсь. Уверен, если бы я предложил тебе какое-нибудь другое место, то получил бы категорический отказ. Было довольно трудно заставить тебя сказать «да» и, видимо, только благодаря сыру.

Он смотрел на меня так, словно прекрасно знал, что я думала о нем, а именно, что он сексуален и горяч, как сам Аид, но при этом радостно подыгрывал моему «Я-не-так-уж-увлечена-вами». И, черт возьми, это делало его еще привлекательнее. Без сомнения, в своей жизни он получил более чем достаточно женского внимания, и все же он здесь. Со мной.

– Ну да, ведь я приехала в Лондон не для того, чтобы встречаться с парнями.

Хотя, если честно, более подходящего места для этого трудно придумать.

– Нет, разумеется. И сюда ты пришла только из-за сыра. – Он подозвал официантку и, посоветовавшись со мной, заказал фондю и вино.

То ли потому, что Декстер был в высшей степени уверен в себе или просто он стал первым взрослым мужчиной, с которым я когда-либо встречалась, сегодняшний вечер отличался от любого моего свидания за прошедшие годы.

– Я никогда не ходила на свидания, специально для меня устроенные, – сказала я, взяв хлебный кубик из корзинки, стоящей на столе перед нами. Интересно, одобрила бы Отэм мой поступок или сочла бы этого парня самонадеянным придурком?

– Надеюсь, ты не возражаешь? Я помню, тебе не нравится, когда я называю твой адрес своему водителю. – Он изогнул бровь с легкой иронией.

– Ну... не знаю. Я имею в виду, что ты ведь сначала посоветовался со мной. Если бы ты этого не сделал, это было бы, наверное, странно.

– Учитывая, что до этого мы встречались всего дважды.

– Хорошо, допустим, – сказала я. – Но мне это вроде как понравилось, и я подумала, что, может быть, ты специализировался на горячем сыре в колледже или что-то в этом роде.

– Какое облегчение, – сказал он и улыбнулся так, будто нисколько не сомневался, что мне это понравится. Что я почувствую себя именно так, как сейчас: особенной, достойной того, чтобы обо мне заботились. – Мне нравится, что я могу слышать твои потаенные мысли. У тебя все написано на лице.

Я с трудом проглотила хлеб. Было ли это британским эквивалентом выражения «благослови твое сердце»? [4 - Bless your heart – фраза, распространенная на юге США. Имеет несколько значений, в том числе выражение искреннего сочувствия или искренней заботы. – Прим. пер.] Фраза, прозвучавшая как комплимент, на самом деле воспринималась как оскорбление?

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурилась я.

– Ты открытая. Прямая. Говоришь то, что думаешь. И главное, у тебя все написано на лице.

Хм-м, а он отчасти прав. Мой фильтр местами нуждался в ремонте.

– По большей части, конечно, – добавил он. – И я не могу дождаться, чтобы прочитать остальное. – Он поднял бокал. – Никогда еще я так не усердствовал, чтобы поужинать с женщиной. Давай проведем этот замечательный вечер с удовольствием и не станем слишком переживать ни о чем, кроме сыра.

Его слова прозвучали так, словно он способен узнать все, что бы я ни скрывала. Казалось, он точно понимал, что нужно сказать, чтобы я успокоилась. Это меня поражало и в то же время настораживало, даже немного пугало. Ведь я согласилась на ужин еще и потому, что хотела узнать о его недостатках, найти в нем что-то отталкивающее. Совсем ни к чему, если Декстер покажется мне еще

привлекательнее.

– У тебя очень красивое кольцо, – сказал он.

Мои пальцы потянулись к горлу.

– Спасибо. Это первая вещь, которую я сделала своими руками. – Мой дубовый лист был простым кусочком серебра. Никаких камней или причудливых орнаментов, но для меня он был бесценен. – У меня есть небольшой онлайн-магазин, – добавила я. Какой смысл притворяться тем, кем я не была. Парень, сидящий сейчас рядом со мной, достиг всех возможных вершин в ювелирном искусстве. Мне нечем было похвастаться, чтобы произвести на него впечатление. – Все очень скромно. Никаких бриллиантов или боливийских изумрудов.

– Замбийских.

– И этих тоже. Никаких изумрудов вообще.

Он улыбнулся мне, его глаза были прикованы к моему лицу, как будто он не мог до конца поверить в свое счастье – сидеть здесь в ресторане вместе со мной.

– Ты сама делаешь вещи для онлайн-магазина или продаешь уже готовые?

– Я все делаю сама. – И вовсе не обязательно ему знать, что у меня бывает не больше пары заказов в месяц.

– Мне нравится этот листок. Он совсем как ты, верно? Одиноким, сорванный ветром и унесенный далеко от дома, ищущий место в жизни?

Я вздохнула, прежде чем ответить, и сунула в рот очередной кусочек хлеба, пытаюсь выиграть время. Но даже эти дополнительные секунды мне не помогли.

– Не знаю, – честно сказала я.

Возможно, он прав, все так и есть. Я не чувствовала никакой привязанности к трейлер-парку и не испытывала ни малейших сантиментов по этому поводу, и,

хотя должна бы считать своим домом трейлер, где жила Отэм, в данный момент вообще не знала, где мое место. Я хотела гораздо большего, чем то, что когда-либо могла иметь в Орегоне. Очувтившись здесь, в Лондоне, я неожиданно ощутила необыкновенную свободу. Иногда меня тянуло домой, но я не скучала именно по дому. Когда я думала о нем, меня охватывало беспокойство о том, что происходит там сейчас, когда меня нет рядом, чтобы вызволять родителей из неприятностей или присматривать за сестрой.

– Когда я смотрю на дубовый листок, я думаю о крепком дереве, о силе, – брякнула я, не подумав.

– Да, – сказал он с непонятным выражением на лице. – Мне это нравится.

Он не стал вдаваться в подробности и объяснять свои слова, но по сравнению со мной казался гораздо более спокойным в наступившей затем паузе.

– А ты сам занимаешься дизайном? – спросила я, желая отвлечь его от его мыслей, какими бы они ни были. Он медленно покачал головой:

– Я оставляю это занятие людям, более талантливым, чем я.

– Так, значит, ты – мозг этого бизнеса?

– Мне нравится думать, что у меня есть особое чутье на то, что будет хорошо выглядеть, когда воплотится из эскизов в само изделие, – сказал он. – Я вижу себя редактором – куратором дизайнеров, если хочешь. И, конечно, люблю камни. Когда я вижу необработанный камень, я представляю, какой драгоценностью он станет. Я могу увидеть его будущее, когда он будет огранен, отполирован, вставлен в оправу.

Он действительно обладал творческим воображением. И при этом у него были мозги, заточенные под бизнес. С ума сойти! Почему бы ему не быть еще и бухгалтером? Я думаю, именно это и сделало его одним из самых успешных людей в этой отрасли.

– Ну вот, а я никогда не работала с камнями. Поэтому я здесь.

- Не уверен, что ты найдешь что-нибудь для себя полезное в фондю.
- Знаешь, тот, кто сказал тебе, что ты умеешь шутить, нагло тебе солгал.

Он непринужденно рассмеялся, очевидно, довольный своей шуткой.

- Именно поэтому я приехала в Лондон, - повторила я. - Хочу набраться побольше опыта. И превратить хобби в дело своей жизни.

Один уголок его рта немного приподнялся, как будто ему нравилось слушать, что я говорю. Хотя, конечно, ему просто мог нравиться мой акцент.

- Но если ювелирное дело - всего лишь хобби, то с чем связана твоя карьера?

- У меня всего лишь работа, а не карьера. Благодаря ей я оплачиваю счета. Давай не будем больше об этом говорить.

Пока я была здесь, мне хотелось воображать, что это и есть теперь моя единственная жизнь. Чем меньше мне придется вспоминать о заботах, ожидающих меня дома, тем лучше.

Декстер слегка нахмурился после моей реплики, и вертикальная морщинка пересекла его лоб. Мне внезапно захотелось протянуть руку через стол и разгладить ее.

- А как насчет тебя? Чем бы ты решил заниматься, если бы не стал ювелиром?

- Для меня не было другого пути, - ответил он, ни минуты не колеблясь. - Я родился, чтобы заниматься именно этим, и ничем иным.

- Потому, что это нравится тебе самому, или потому, что этим занимались твои родители?

Удивительно, что кто-то может быть настолько уверенным в собственном предназначении.

– Совершенно определенно и то, и другое, – ответил он. – А чем занимаются твои родители?

Я мысленно застонала.

– Да так, то одним, то другим. – Меньше всего мне сейчас хотелось говорить о своей жизни в Орегоне.

В этот момент принесли фондю – как раз вовремя, чтобы избавить меня от мучительной темы. Официантка поставила маленькую кастрюльку на конфорку посередине стола, рядом с ней лежали нарезанные кубиками хлеб, мясо и овощи. М-да. Кое-что я не предусмотрела. Хотя моя блузка из вискозы, а не из натурального шелка, я едва ли смогу отстирать ее начисто. Кто ходит в ресторан и заказывает фондю на первом свидании?

– Есть такие люди, которые знают тебя лучше всех на свете? – спросила я, отчаянно пытаюсь увести разговор куда угодно, лишь бы подальше от моей жизни в Орегоне.

Он предложил мне корзинку, и я наколола кубик на длинную вилку.

– У меня есть пять самых лучших друзей – мы подружились еще в те времена, когда были подростками.

– Мило, – сказала я. – Целая стая.

– Они люди. Не волки. – Он вдруг зарычал, низко и глубоко, и клянусь, я была в секунде от того, чтобы превратиться в героиню Мэг Райан. Только я бы на ее месте не притворялась.

– И ты рассказываешь им свои самые тайные, самые темные секреты? – спросила я.

– Только в случае, если они вдруг появляются. Вообще-то я почти полностью открытая книга. – Он снова немного нахмурился, и мои пальцы буквально начало покалывать от желания убрать с его лба морщинку – намек на печаль.

– Я кое-что прочитала о тебе в Интернете, – призналась я. – Потому что, ну, ты понимаешь... – Это ведь так очевидно – поискать в Сети информацию о парне, прежде чем разделить с ним горшочек сыра. – Там говорилось, что ты «избегал общения с представителями ювелирной отрасли в Лондоне» в течение многих лет. Правда?

Вообще-то мне не нужен поиск в Интернете, чтобы знать подобные факты – слава Декстера бежала впереди него, – но ему вовсе не обязательно это знать.

– Может, да, а может, нет, – ответил он.

Я ждала, что он что-нибудь добавит к своему краткому ответу, но он всего лишь обмакнул кусочек хлеба в сыр, положил его в рот и принялся жевать, всем своим видом изображая удовольствие.

– Ну... – протянула я разочарованно, – это не ответ.

– Нет, конечно. Это просто значит, что я вообще не хочу отвечать на этот вопрос. – Его губы немного изогнулись при этих словах, и он, пристально на меня посмотрев, добавил: – На британском языке.

Я рассмеялась:

– Я еще не слишком хорошо на нем говорю.

Конечно, я встречала парней, которые все сведения о себе держали в секрете, но едва ли мне попадался человек, который так прямо говорил о том, что именно хочет скрыть.

– Ты еще не сказала, у кого из моих конкурентов стажировешься, – сказал он, явно пытаясь сменить тему.

– У Sparkle, – сказала я, все еще гордясь тем, что мне удалось поступить на стажировку в такую известную компанию.

Daniels & Co, возможно, слыли лучшим брендом, но Sparkle не так уж сильно от него отставала. Декстер замер на мгновение, даже, казалось, задержал

дыхание, и устремил на меня пронзительный взгляд. Как будто кто-то приставил ему к виску невидимый пистолет, и он пытался предупредить меня об опасности. А потом, также внезапно, вернулся к нормальному состоянию – сплошные улыбки и непринужденное обаяние.

– Перемотай назад на минуту, – сказала я. Ладно, допустим, это наше первое свидание, и ему вовсе не обязательно сообщать мне, почему он держался подальше от Лондона или девичью фамилию своей матери, но у нас должен же быть хоть какой-то обмен информацией, что-нибудь более содержательное, чем разговор о сыре. – Что это сейчас было? Когда я упомянула Sparkle?

– Что? – невинно спросил он, накалывая на вилку кусочек перца.

– Положи перец обратно и объясни простыми словами, почему ты выглядел так, словно увидел привидение, когда я упомянула, у кого прохожу стажировку.

– Никаких привидений, – сказал он, послушно откладывая вилку и делая глоток вина.

Наше свидание только началось, а уже наполнилось негативными эмоциями. Я избегала говорить о себе и своей жизни, да и он явно не желал открывать карты.

– Знаешь, о чем я думаю?

Он вопросительно посмотрел на меня, молча ожидая, что я скажу.

– Думаю, это похоже на какой-то сложный танец, – продолжила я. – Я вижу, ты что-то не договариваешь. И делаю то же самое, хотя ты сказал, что тебе нравится моя искренность и прямота, а ты сам – вообще открытая книга. Мы словно скользим по поверхности, и это, конечно, приятно и все такое. Я хочу сказать, на тебя приятно смотреть, а фондю – захватывающая тема для разговоров, но что мы здесь вообще делаем, если оба изо всех сил стараемся скрыть друг от друга, кто мы есть на самом деле?

Он моргнул, но не пошевелился. Я так и не поняла, то ли ему не понравились мои слова, то ли он хотел, чтобы я их пояснила.

Я откинулась на спинку диванчика и отодвинула бокал в сторону.

– Я, например, стараюсь скрыть, что живу под пыльным небом в трейлере и работаю в две смены на фабрике. И что на мне рубашка не из шелка, а из стопроцентной вискозы. А что скрываешь ты?

Итак, я бросила ему вызов. Декстер мог бы уклониться от ответа, но точно так же, как он знал, что я на самом деле хотела сказать «да» на его предложение поужинать с ним, хотя сначала говорила «нет», так и я чувствовала, что он не откажется от моего предложения говорить честно. Три месяца в Лондоне закончатся слишком скоро, и я хотела максимально использовать каждую секунду, включая сегодняшний вечер. Мне важно знать правду, потому что у меня не было времени на ложь.

– Все взаимосвязано, – сказал он с таким видом, словно сообщал великую истину. Он внимательно оглядел зал, словно проверяя наличие запасных выходов или, возможно, просто решая, открываться мне или нет. – Мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было девятнадцать.

При этом неожиданном признании я не смогла сдержаться – мне было необходимо прикоснуться к нему. Я немного наклонилась вперед и накрыла его ладонь своей.

– И тогда мой брат продал наш бизнес фирме Sparkle прямо у меня из-под носа. У меня не было никаких прав по завещанию, потому что мне не исполнилось двадцати одного года. Управление состоянием полностью лежало на моем брате. Я потерял своих родителей и их бизнес из-за Sparkle. Два в одном.

– О боже. Мне так жаль. – Я сжала его руку.

– Sparkle много раз пыталась переманить к себе мою мать – как дизайнера. И не раз успешно переманивал других сотрудников. Бизнес моих родителей был небольшим, но они создавали изумительно красивые ювелирные украшения. Sparkle очень давно хотела их подмять под себя. Когда они погибли...

– Sparkle набросилась.

Теплая, игривая улыбка исчезла, и складка между бровями стала глубже. И мне очень захотелось это исправить.

– Они просто воспользовались нами, – сказал он. И я могла поспорить, что он готов на все, чтобы никто и никогда в его жизни больше им не воспользовался.

– А что твой брат? Он сожалел об этом? – спросила я.

– Понятия не имею. Мы с тех пор не разговаривали. – Он перевернул руку вверх ладонью и переплел свои пальцы с моими.

Я ни одного дня не могла представить себя без своей сестры, не говоря уже о годах.

– Ого. И он так же, как и ты, начал собственный ювелирный бизнес?

– Последнее, что я слышал, это то, что он работал в бэк-офисе какого-то банка в Лондонском Сити.

Это неправильно. Его брат должен был защищать его, а не продавать семейный бизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Улица и площадь Хаттон-Гарден стали центром ювелирной торговли в Лондоне во времена Средневековья. – Прим. пер.

2

Паве (франц. pave – вымощенный, мостовая) – обрамление, состоящее из множества мелких камней, расположенных таким образом, что ювелирное изделие кажется вымощенным ими. Камни в таком обрамлении удерживаются с помощью маленьких зубцов, походящих на крошечные капли металла. – Прим. ред.

3

Увлекательный роман о девушке из бедной семьи, которая становится главой фантастически богатой корпорации благодаря неукротимой жизненной силе. – Прим. ред.

4

Bless your heart – фраза, распространенная на юге США. Имеет несколько значений, в том числе выражение искреннего сочувствия или искренней заботы. – Прим. пер.

Купить: https://telnovel.com/bey_luiza/mister-naytsbridzh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)